

«Я хожу конём, если я на нём». К.Кедров

Ж У Р Н А Л

№ 8 (20) ̄ 2006

Э Т О В

У Н И В Е Р С И Т Е Т Н А Т А Л Ь И Н Е С Т Е Р О В О Й

А л ь м а н а х
«Журнал ПОэтов»
№ 8 (20) 2006

Ладья – Лад Я

Хроника событий 2005 года

В 2005 году АПиф сделал ход конем. На французском Книжном Салоне мы представили антологию «*Русские поэты сегодня*» на русском и французском языках, выпущенную в Париже издательством *La différence*, с предисловием декана и послесловием Б.Лежена. А в магазине русской книги профессора Н.Струве К.Кедров, Е.Кацюба и А. Вознесенский провели поэтический вечер. В Москве совместно с Институтом Гете наш университет издал антологию русской и немецкой новой поэзии «*Диапазон / Diapazon*», на двух языках. На международной конференции в Берлине были зачитаны доклады профессора В.Вестстейна о ДООСе и профессора Э.Шмидт о поэме Е.Кацюбы «Свалка». 21 марта в театре на Таганке прошел шестой Всемирный день поэзии. Напомним, что самый первый проведен ДООСом в 2000 году там же и отмечен благодарностью ЮНЕСКО. На этот раз нам помогал журнал «*Британский стиль*». Юрий Любимов читал стихи А. Введенского, а телемуза Ю.Бордовских озвучила по-русски и по-французски строки М. Бузника. В библиотеке «Русское зарубежье» состоялась презентация предыдущего номера журнала «Ах Бах». А. Житинкин отметил в своем выступлении: «*Культура издания и текстов, которые мы сегодня слышали, грандиозны и достойны широкого освещения*».

Этот номер посвящен шахматам. Шахматы больше, чем игра. Это метакод мира, где есть все от генетического кода до гадательной Книги перемен Древнего Китая. В них зашифрована черно-белая дискретная природа микро- и макромира. 64 клетки прячут в себе замкнутую бесконечность. Не все философы – шахматисты, но все шахматисты – философы. Чемпионка СССР по шахматам среди девушек (1968 г.), а ныне ректор университета Наталья Васильевна Нестерова так объяснила поэтам в Париже свою стратегию: «Я просто нарушала все традиционные комбинации, делала неожиданные ходы. Противник терялся, а я выигрывала». Но ведь такова же стратегия поэзии. Интересны и выигрышны только неожиданные ходы. Так называемая традиция в поэзии гроша ломаного не стоит. Знать, чтобы нарушить, – закон поэзии. Утверждение Дерриды: «Все слова уже сказаны», – устарело. В поэзии не сказаны все слова. В шахматах тоже «все партии уже сыграны» и заложены в компьютер, обыгравший чемпиона Каспарова. Однако проигравший Каспаров нам интереснее выигравшего компьютера. В поэзии тоже надо уметь проигрывать, чтобы победить. «Я хожу конем, если я на нем».

В 1995 году вышел первый номер
«Газеты ПОэзия».

В 2000 году издание преобразовано
в «Журнал ПОэтов»

ГАЗЕТА ПОЭЗИЯ
N 1/1995

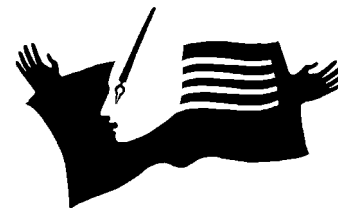
Видео <http://my.mail.ru/video/mail/jurnalpoet/1>

Фото <http://my.mail.ru/mail/jurnalpoet/photo>

Учебное пособие Академии Поэтов и Философов Университета Натальи Нестеровой
Москва
2006

Наталья Фатеева

доктор филологических наук
ведущий научный сотрудник Института русского языка РАН,
профессор Государственной академии славянской культуры

Поэзия и лингвистика начала третьего тысячелетия

Трудно не заметить, что самой подвижной составляющей современного поэтического текста становится его форма записи, отличающаяся от традиционной как в оформлении отдельных языковых единиц, так и целостной структуры текста. Эта бессознательная тенденция, однако, имеет вполне разумное объяснение: поэзия оказывается той сферой языка, в которой общие тенденции его развития проявляют себя быстрее всего и наиболее явно, чем в других сферах. Как ни парадоксально, но при изучении активных процессов в поэтическом языке рубежа XX-XXI веков, обнаруживаются именно те зоны языковой подвижности, которые Вяч. Вс. Иванов в своей книге «Лингвистика третьего тысячелетия» (М., 2004) отмечает как проблемные явления, не получившие в лингвистической науке единого окончательного толкования. Среди них он особо выделяет (1) проблему дискретности и линейной реализации языковых единиц, (2) вопрос о сокращении морфем при аббревиации и инкорпорации, (3) проблему соотношения между единицами разных уровней, а также возможность использования целых предикативных образований в функции одного слова, (4) взаимосвязь грамматикализации и лексикализации, грамматических и лексических значений.

Возможность проявления данных зон «нестабильности» и переходности именно в стихотворном тексте связана с его изначально заданной неоднородной записью в виде отдельных строк, которая формирует вертикальный контекст. Важно то, что членение на строки не обусловлено строго синтаксическим делением, и это вносит элемент дополнительной дискретности в текст: строки становятся автономными образованиями, структура которых заранее непредсказуема. Установка стихотворного текста на ритмико-слоговое деление и особую звуковую организацию позволяет не только порождать «дискретность» по вертикали, но и обеспечивает внутри рядов возможность дополнительного членения слова, также строго не обусловленного морфологическим и словообразовательным делением.

При анализе дискретности языковых единиц и формы их записи в современном поэтическом тексте отмечаются две противоположные, но взаимодополнительные тенденции: нарочитая непрерывность (сплитность) их записи часто оказывается обратной стороной добавочной по отношению к общезыковой дискретности. Безусловно, традиционная дискретность языковых единиц при линейной записи позволяет почти сразу определить их значение за счет формальных и содержательных характеристик памяти слова. На этом нейтральном фоне слитное или дефисное написание целых формообразований при возможной пересегментации языковых единиц всегда будет выступать как некий иконический знак, в котором сама недискретная или дефисная форма записи будет выступать как означающее.

Эксплицитно такая структура проявляется у Н. Азаровой в форме европеизированной «танки», где в каждой строке отмеренное число слогов:

*от-сло-га-к-слогу
переходя границу
волнами тепла
сай-гё-ль-дер-ли-на
сливы сплелись с горами*

Благодаря материализации слоговой структуры, обнажается и инфраструктура каждого слова, строки и всего текста, что позволяет многократную кодировку одних и тех же элементов. Параллельно динамизируется не только сама ткань текста, но и его восприятие: в текст вводится параметр дополнительной «ритмизации», который порождается параметром дополнительной «визуализации». Такая визуализация, подчеркнем, возможна только в стихотворном тексте, где важны как сама линия, так и конец строки, а также деление на слоги с их последующим соединением в единое целое.

Однако часто нарочитая непрерывность в пределах строки может сопровождаться дополнительной дискретностью языковых элементов, и ранее связанные между собой элементы получают автономию в вертикальной и горизонтальной структуре стиха. Оказывается, что сдвиг в нормативной дискретности языковых элементов приводит к вариативности их воспроизведения и позволяет извлекать смысл в любом направлении: справа налево и слева направо, сверху вниз и снизу вверх, последовательно или параллельно. За счет этого словесная ткань переформатируется особым образом, создавая новые правила чтения без учета реального порядка элементов. Возникают полифонические или полифоносемантические структуры, к которым очень часто прибегают

Е. Мнацаканова и А. Горнон. Но если Мнацаканова еще выдерживает линейную запись самой строки, то у Горнона строки воспроизводят то восходящую, то нисходящую интонацию, превращаясь в поэтические «кривые». При первом же взгляде на текст Е. Мнацакановой о любви

*любовь
про про
тебя меня двоих
про
должаесядолжаесядолжаесядол жаесяпро
дол
годолголю
годолюголю
божь*

приходит мысль о том, что, хотя поэтесса и стремится создать непрерывное представление о времени, выстраивая сверхдолгий неологизм с корнем «долг-/долж-», — переворачивая его конец и начало (жаесяпро) и особо выделяя середину дол, так что она порождает новообразование со смыслом «долго» (годолголю), — параллельно возникает контрастирующий лейтмотив, вводящий дискретное представление о времени. На фоне «продолжения» любви возникает понятие о «долге», «боли» и «годе», а изолированное проведение приставки «про» позволяет ее двоякое осмысление: любовь может восприниматься не только в длительности и полноте, но и в «проходящем» свете (любовь про(шла)).

В любом случае в сам акт членения вкладывается дополнительный смысл, организующий всю последовательность. Так, в стихотворении «Беломорканал» Н. Азаровой воспроизводится реальный процесс «отделения» одной формы от другой, но не с помощью приставки или предлога, а с помощью послелога, так что акцентируется значение отделения именно от определенного объекта

(берега), а не сам факт отправления корабля: ср.

от-берега-ото шли
от-берега-от выкли.

По-новому заданная дискретность обнажает тенденцию сокращения морфов в современной поэзии, наравне с приданием им новых функций. Однако не только морфы и морфемы, но и каждая из частей слова, приведенная в движение членением, становится способной приобретать семантическую и формальную самостоятельность, т.е. подвергаться лексикализации (или «лексиколЕГАЛИЗОВАТЬСЯ»). Форманты, служебные части речи и даже части лексем становятся полнозначными элементами текста, что приводит к нивелированию различий между самостоятельными и служебными знаковыми единицами. Становится очевидным, что ткань стиха динамизируется для того, чтобы показать динамику самой поэтической мысли, и эта тенденция обнажается в стихотворении Елены Сазиной, так и озаглавленном «Мысль».

Стучит ритмующим
молотом
молотит багровым
долотом
ломает стенки сосудов

мысль

пульсирует вязко в
жилах
глухо бьет в
перепонки
барабана тревожный ритм

ысль

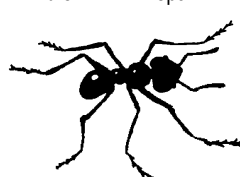
дрожит в окончаниях
нервных
за клетки мозга
цепляясь
преломляясь в зрачках
бесполых
кривляясь дробясь исчезая
в глубинах венозной тьмы

сль
ль
ь

Мы даже точно не знаем, как адекватно воспроизвести данный текст: его можно читать голосом, однако при этом стиховые связи, образованные визуальным рядом пропадут — ведь именно особая расстановка слов по строкам и их краям отражает их действительный смысл. Подобный рисунок распределения слов диктуется глагольными формами, наполняющими текст: стучит, молотит, ломает, пульсирует, бьет в перепонки, барабана, цепляясь, преломляясь, кривляясь, дробясь, исчезая. Все это предикаты заглавного слова «мысль», которое по ходу разворачивания текста распадается и дробится на элементы, связанные со словом ритм, — поскольку стучит «ритмующим молотом». Окказионализм ритмующим позволяет уподобить действие мысли музыкальным молоточкам, отбивающим ритм, и в то же время он паронимичен причастию «рифмующим»: постепенно исчезающая тавтологическая рифма как раз и образует самую правую вертикальную составляющую текста — в результате от полного звукового варианта мыСЛЬ остается сначала часть окказионализма ритмыСЛЬ (причем мужского рода: барабана тревожный ритмыСЛЬ), рассеченного по строкам, затем часть неологизма тьмыСЛЬ, также преломленного на границе строк, затем остается только ЛЬ, и наконец мягкий знак, который не может быть озвучен. Так из стихотворения исчезает «звук», и в нем начинает доминировать визуально-буквенное начало, воспринимаемое только глазами. Снова проявляет себя иконичность стиха, вскрывающая его внутреннюю форму: последняя и образует инфраструктуру мысли, которая «буквально» (т.е. по буквам) уходит вглубь «венозной тьмы». Получается, что «мысль стиха» материализуется за счет рождения новых слов на границах рядов, а уже существующие теряют определенность формы. Таким образом, стих становится открытым в «мысль» на самой границе своей формы.

Целую совокупность обсуждаемых нами языковых явлений находим в звукоподражательном тексте Е. Кацубы под названием «Летний императив».

Погружай
в шмелиные рукава руки
Окружай
кольчужой стрекоз торс
в мерцающей азбуке
жуж-зуж-вз-з-з
открывая-закрывая
двери-двери-двери

крыльями в-из в-из в-из
<...>
открывают-закрывают
двери-двери-двери
крыльями из-за из-за из-за
воздух владеют тайные знаки
Мы их изучим —
закрой глаза!

Рисунки
К.Зейтунян-Белюс

Структура текста создается, в первую очередь, благодаря инициальным формам императива (погружай, окружай), которые задают и звуковую основу текста, наполненного шипящими и свистящими звуками (ж/ш, з/с, жуж-зуж). При этом в строении рядов пропадает различие между служебными словами (предлогами в-из в-из в-из, из-за из-за из-за) и частями слова (приставками вз-з-з), так как ведущей становится звуковая линия текста, которая повторно семантизируется, создавая из тех и других «просодические жесты». Сами же летающие насекомые вырастают из «мерцающей азбуки» записанного на бумаге текста, и приобретают ономапоэтическое перевернутое глагольное название жуж-зуж-вз-з-з — «жужжу взлетаю». Подчиняясь предлогам-приставкам, выражающим жесты, имена и глаголы также сливаются в одну динамическую линию, подобную раскрывшимся крыльям (двери-двери-двери, открывая-закрывая), в которой становятся переставленными объекты и субъекты: ср. воздух владеют тайные знаки. Так, получается, что изучить функционирование языковых знаков в поэтическом тексте можно только, закрыв глаза на нормативную «императивную» грамматику.

Парадоксальным образом по-новому понятая в поэтическом тексте «дискретность-непрерывность» вносит в него элемент динамики и «открытости» и позволяет соотнести понятия «неопределенности и дискретности», свойственные квантовой физике, с некоторыми ситуациями, свойственными физике Эйнштейна. Такую мысль проводит У. Эко в своей книге «Открытое произведение» (СПб, 2004; перевод книги 1967 г.), считая, что «многополярный мир серийных композиций» кажется довольно близким пространственно-временному универсуму Эйнштейна, в котором «все то, что для каждого из нас составляет прошлое, настоящее и будущее, дано в единстве, и вся совокупность последовательных (с нашей точки зрения) событий, определяющих существование материальной частицы, представлена одной линией, линией универсума этой частицы...».

Константин Кедров

доктор философских наук
ДООС – стихозавр

Акварокировка

Море движет фигуры волн
Выбрасывая на берег ферзя
Море ходит морским конем
Конь – соленый девятый вал

Волны – пешки
И слон – волна
Волна-тура
Съедает волну-коня

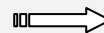
Рокировка волны с волной
Рок играет самим собой
Взлет – провал
Снова взлет – провал
Айвазовский играет в 9-ый вал

Айвазовский ходит кораблем вглубь
Шах мотает корабль
Титаны играют Титаником
Ход белым айсбергом
Акварокировка
Выигрывает рок

Рисунок К. Кедрова

Долгие годы из многих
стихов складывалась моя
«Шахматная симфония».
Вот некоторые
ее фрагменты

Черный Отелло
Играет беляшкой Дездемоной
Гамлет – фигуркой Офелии
Офелия тонет
Быть или не быть – рокировка

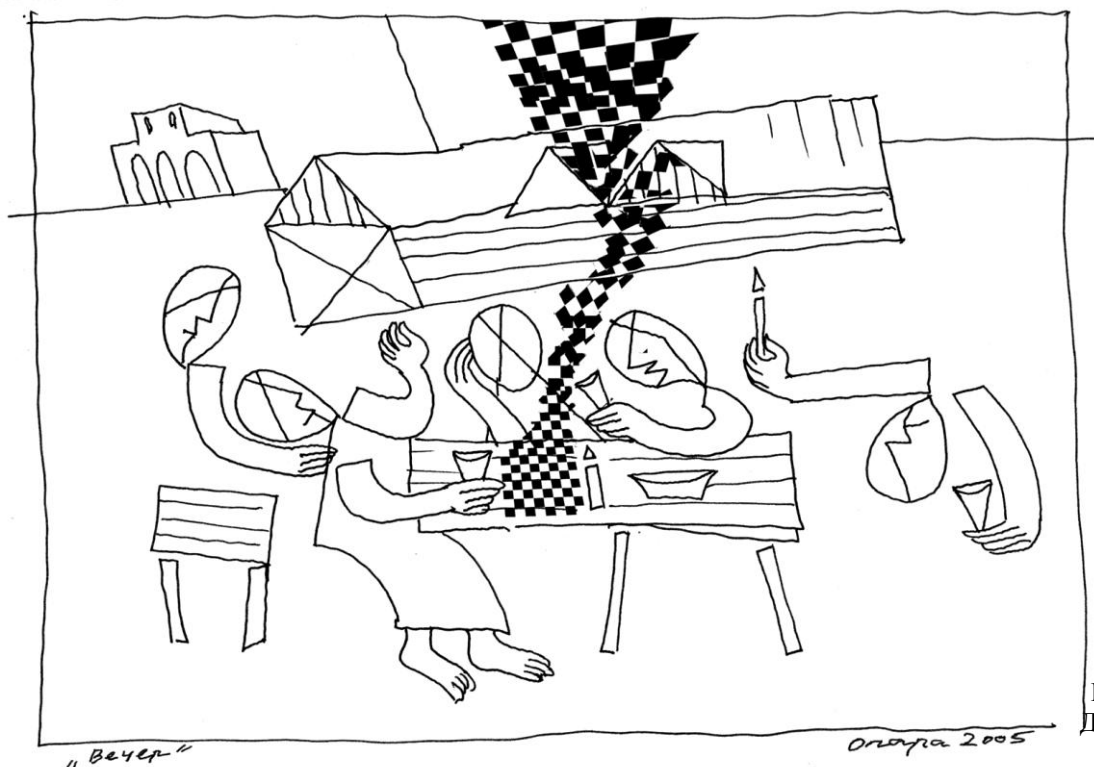
Рыба Карп и рыба Фиш
Сошлись в поединке
Фишер-Дискау поет на дне

Остап Бендер швыряет доску-цунами
Пешки опешили
Ладьи утонули

Летучий Голландец летит в облаках
Аргонавты тонут в руне волн-лон

Одиссей привязанный к мачте –
Я один продолжаю матч

2005

Вечер

Нарисовал
Владимир Опара
ДООС – лайнзавр

ШАХМАТНАЯ СИМФОНИЯ

...Шахматы знают
белый ритм клавиш:
 ход конем – ЛЯ
 партия ферзя – ДО
 белые начинают – СИ
черные заканчивают – РЕ
Можно сыграть
шахматную партию
на рояле:
«Концерт-турнир
черно-белых рыцарей
ладьи и рояля!»
...ОН
скЛОНяется НАД ДОской
как Фишер(-Дискау)
над РЕбусом из 2-х букв
извлекает некий квадрат
Малевича –
черный на белом
белый на черном –
и улетучивается
в шахматный ритм ДОски.

Шахматный рояль. 1983

...В этот миг погребаемый
воскресает
Его извлекают частями
как шахматы из доски
и собирают расставляя по
клеткам
левая сторона – белые
правая – черные
как всегда не хватает руки –
ладьи
приносят нос – слон
Глазной гамбит или рокировка
Белые начинают...
Встает Озирис присоединяя
Северный полюс к Южному
запад к востоку
голову к шее
шею к траншее
глазомер к мушке
мушку к норушке
Сначала восстал голос
потом дыхание
еще ничего не видно
а уже говорит и дышит
Может так и оставить
как шахматную партию в
телефоне
e2 – e4 –
едва четыре

Из поэмы «Шахматный Озирис».
1986

...Преодолевая суровый рок
я отделяюсь от той доски
тенью шахматного коня
остается на ней
тень от фигуры
переносимой за борт

Ход конем к себе
выдох
Ход конем от себя
вдох
Шахматные ходы
из выдоха – вдоха

Воздушные шахматы
призрачны
Все фигуры
прозрачны

Два воздушных коня –
два легких
справа и слева...

каждая планета
в небе
ходит конем
Это результат
иллюзии и незнания

Я говорю –
ко мне конь
конь ко мне
И конь летит
из Незнания
в Мироздание

Ход конем. 1997

Шахматный конь
ускакал в огонь
опустела доска
в клетке где был конь
осталась тоска

Назовем черное цветом тьмы
Назовем белое цветом дня
Рокируем –
останется рок и день
Рокируем –
Останется рок и тьма

Передвиженье
шахматной тьмы
подобно движению
зубчатых передач
клетка ночи цепляется
за клетку дня
так весь часовой механизм
пускается вскачь
Так белый конь
преодолевают
черный барьер
Так черный конь
преодолевают
белый карьер
арьергард
кавалергард
подставляет грудь
и бьет его картечь
разрывая на черно-белое
тело его белое
и душа его белая
на белом коне
уносится вскачь
оставляя
в доске
пробел.

Из поэмы «Нуль Леонардо»
1993

Как Батый обрушенный на Рязань
Остап Бендер швыряет
шахматы в зал
шах – мат – Шахмат -
черная королева уходит во тьму
Все поезда в метро уходят фпкзем
Там под землей никто не ходит конем
Ферзь Айседора делает ход
алым вихрем шарфа
– Прощайте я еду к славе!
Квадрат Малевича
белый на аллом
Все поезда в метро
уходят в черный квадрат
а выходят – в белый

ВОЗНЕСЕНИЕ ФЕРЗЯ

Что такое луна?
Основанье ферзя
когда его поднимает
невидимая рука
Круг становится полумесяцем
исчезая из поля зрения
Луна – полумесяц – месяц
и наконец ничто
или черный ноль

Из поэмы «Вьюжный ферзь». 1999

**Андрей
Вознесенский**
ДООС – стрекозавр
Специально для ПО

ХОД К ОНЁМ

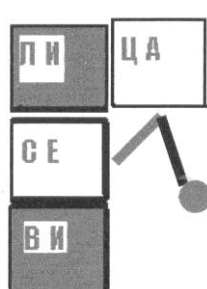
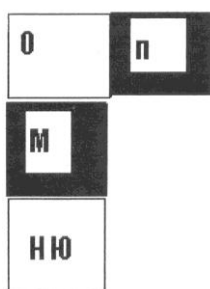
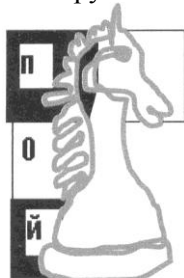
Горизонтальный off
по полю с зонтиком идёт.
Конь – вертолёт
шахмат.

Как сверху шарахнет!
Сыгранём.

Слалом, high, speed, dóмертва!
Не сломай спидометра!

Немок конем.
Ход конём.

Сыгранём крепко!
Кверху доньшком опять!
Приземляюсь в новую клетку,
которую не понять...

Е-2, Д-6, Е-15
КАНВА
КОД ОВНА

ДУШОЙ МАХНЁМ

И БЫЛ ВЕЛИКИЙ ЭКОНОМ

БОЛЬШОЙ КАНЬОН

ХОДКА ДНЕМ

Я верхом на плече у папы,
Войтыла меня с трудом понимал.

Помнится об одном:
уходи-уходи конём.

Полуdrugs, полудрём.
Палиндром –
ПОЛОН МОРД.
ХОД КОНЁМ.

2005

Рисунок Андрея Вознесенского

Мишель Деги
Париж, Франция

Метроном

Кто отбивает там
Ветру в такт
Фразы я-зы-ка

Невма метра
Балансир наделяет
Дикцией время

Ритм один основа
Чтобы снова в слово
Дверь вела выводила

Долгий пауза краткий
Время прытко
Ушло и опять вернется

Вот оно дыхание существования
Где сходство схоже с несходством

Сквозняк их дыханий
Листает страницы
Не загигать
Не знать что читать

Еще секунду
Любезный читатель
И вот оно время
Откровения

Свойства оттенков
Определяют
То что мной говорит

Король солнце

Когда король поднимался засветло
Он шел в глубинах утренних вод

Скафандр шелковым шагом
Следует вдоль нерестящихся крыш
Заплывает в дворцы лишенные мачт
В стоячей воде золоченой зари
Сверкает чешуйчатой кровлей риф

Ил и кораллы грезит король
Он хочет покинуть их столь высоко
Чтоб увидеть край прозрачного дня
Где удильщик в красном склоняясь над водой
На крючок нацепляет наживку света

Перевел с французского Михаил Яснoв

У Мишеля Деги в издательстве ОГИ
вышла книга-билингва
"Стихотворения I – III". (М., 2005)

Елена Кацюба
ДООС

Индийская защита

Обыграй себя, махатма шахмат
пешим уходи
дервишем или шутом
Сложи из фигур костер
башней былых успехов

Но лучше
выпиши из Шотландии
ловких швей –
кроить из клеток доски
королевский килт
А пока привыкают к ветру колени
пропляши себя между королевами
Выиграй сердце Марии
проиграй голову Елизавете
когда волынки
плетут воздушные петли
над полем битвы

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус

выведи самолеты и танки
выбей решетку клетки
вариантом бури
отыграй у моря
Колумбовы корабли
Отвергни испанскую партию
Уплывай ладьей
по клеткам карты
под защиту Индии
где гологоловые воины
ведут вертикальных коней
Женские пешки
послушные флейте Кришны
расставляют под платьем колени
– атака страсти – стратегия лени
наступают танцующим строем
перед тронем королевы Кали
Вдоль – поперек – по диагонали
она контролирует поле
белое молоко смерти
зреет в черной груди

Бога не выбирают!
Встань и ходи
играющим Шивой за облаками
на четырех досках
в четыре руки.

Блиц

ФОТО –
ЛОТО света
бросок ЛОТА в глубину взгляда
тайная ЛОЖА адептов линзы
резче НОЖА взгляд
Камера – НОРА
ВОРА лиц,
что твоя ВЕРА? – Блиц!

Михаил Таль.

Фото: Виктор Ахломов
Заслуженный работник культуры
ДООС – линзавр

Надпись на снимке:

Виктору
с пожеланием
побед
в «блице».
Михаил Таль
30. 5. 61

Сунь Юэ

Москва – Пекин

* * *

Спокойный и тайный облик
Упавший меч из бледных изящных рук
Аромат Душистых гор угасает в бабочках
Свет звезд смутный словно вьюга
Зажигающая в мгновение ока очи окружающих
Цветы мечты давно цветут на чужом берегу
А возвращаются уже золотыми журавлями из сказки
Чувство прикосновения тонко и чувствительно
Вздых души чуть слышен как вечерний рассказ
Листопад южного Китая, далекого и туманного
Только легенда о бойце молчаливо проснется

Кто будет ждать у шахмат ветер и дождь во сне
Кто будет слушать у окна сладкий бред в огне
Сердца бьются как светляки в ночи без луны
Крутящиеся над шелковым весенним озером
Как будто человек живет в другом пространстве
Пестрые страсти движутся со скоростью лошадей
Свеча любви освятит последний след живописи
Дни незабываемые после ветра в зеленом чае
Чей-то голос все кричит в кустарниках по-хански
Как будто лепесток белый блестит и исчезает
Как будто белый жеребенок мчится мимо окна рая

Плывет пламя красным вином в чаше
На обратном пути только таинственный чин Императора
Как вернем первую ночь девчонке Му Лан
Когда ее шелковый халат горит от девичьего смущения
когда ее открытый веер плачет от увядания тысячелетья
Перейти блестящее озеро звездное уже невозможно
Так как сон древних цветов тонет за черной горой
А бабочки уже улетели далеким Млечным Путем
Как мелкие искры без прозрачных крыльев

Рисунок из китайского интернета

Примечание автора специально для ПО

По словам китайской летописи, китайские шахматы рождались в огне войны между южными азиатскими дворянскими парнями в 11 веке до н. э.

Сами шахматы были сделаны из слоновой кости. Когда молодые дворяне играют, их любимые девушки в красивых одеждах молча сидят рядом и наблюдают за игрой...

1.

Картина бытия
зримая —
сменяется
горней —
Апостольской.

Проступает кровь
из земли.

Измучена смерти
глубина.

12.07.2005.

2.

Бездны близость —
над платом
печали...

И вдруг сверхмирность,
радость НЕУНОСИМУЮ
находит...

Внемлет
бесчинству туч —
без которых перелёт
пространств
холодных
невозможен.

26.08.2005.

3.

Когда изобилие небесное
в земле растворялось —

неосторожный голубь
в непрочном странствии
жизни — УЗРЕЛ
полузабытое чело,

малым окроплением
которого — Ангел
высветил кровь
людскую, которая
истощалась...

27.08.2005.

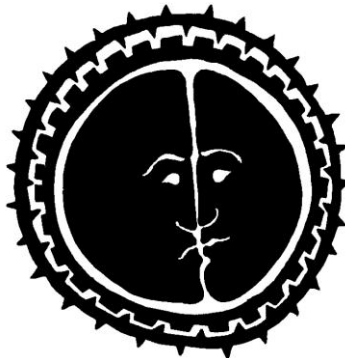
Ангел Хранитель

Эта скульптура создана по заказу люксембургского предпринимателя и коллекционера Пьера Вагнера. Установлена она перед его особняком на авеню Гийом. Когда я предложил тему скульптуры – «Ангел Хранитель», – к моей радости, со стороны заказчика не было никаких возражений. Изваять и установить в центре города Благовещающего Ангела двухметрового размера не так просто! В этой работе я стремлюсь отказаться от натурализма девятнадцатого века и одновременно от многослойной абсурдности технократической художественности двадцатого. Опираюсь на традиции готической скульптуры.

Вадим Рабинович

доктор философских наук
ДООС – дооосозавр

Зонтики Ларионова

Нескладность зонтика из трех вязальных спиц,
Случайность бабочки и лепестка возможность
Я шелком обтянул и выпустил синиц
На шелк небес, сыграв неосторожность.

Из солнечных лучей я это все сложил,
А луч Луны я вправил в слово сЛУЧай,
Чтоб в случае затмения светил
Он раздвигал бы тьмы во тьме паучьей...

И вновь платочки в мановеньях рук,
И птиц-синиц раешник или дольник,
И шелковый квадрат, и синий круг,
И черный куб, и красный треугольник...

Зонтики Магритта

...Но под верхом и над низом,
Не висящий ни на чем.,
Зонт висит в пространстве сизом,
И стакан воды на нем.

Рядом с ним второй, и третий,
Сто восьмой из тайских снов...
Хорошо, что есть на свете
Много всяческих зонтов.

Все они изящны станом
В журавлином жирафле,
Каждый со своим стаканом,
Будто бы на дефиле.

Вместе и, отдельно, каждый –
Ниоткуда в никогда.
Это так. Но вот от жажды
Будешь умирать, тогда...

Сергей Бирюков

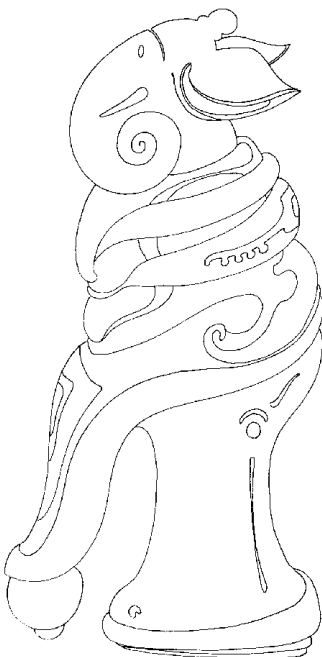
кандидат филологических наук
ДООС-заузавр
Халле, Германия

Клон-арт

Че – на май-
ках
Бах –
на круж-
к-ах!
Пуш-
на тарел-
кин
Моц-арт
конфет
Хлебни-
на бутыл-
ков
Тат-
на ТВ-
тлин!
Го-
блин!

Шахматная коллизия

Бывает что шахматы сводят с ума

Рисунки Кристины Зейтуниан-Белоус

Стихи об интернет-вине

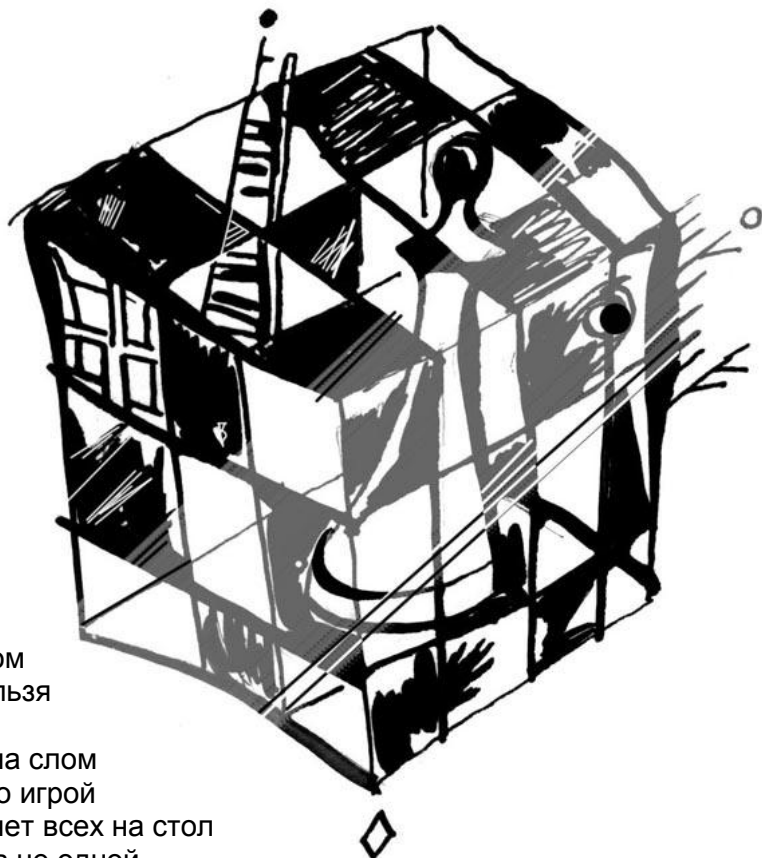
www.wino.mk
опьянен уже слегка
www.wino.com
опьянен одним глотком
www.wino.fr
не находится рифм
www.wino.de
по усам и бороде
www.wino.ru
не вино, а wodka.ru

шах это шах
мат это мат
шах это шахидка на сносях
она беременна взрывом
мат это мат
там это там
разума зуммер
раз и зар
шах это хаш
там это мат

кратко так
авто шаха
автомат

Александр Ткаченко

Белый ход Черный ход

I.

Утро ходит конем вечер пешкою
кто-то нами играет и за хобот берет
слон тяжел и с походкой неспешною
суетливо как все между нами живет
иногда ощущаю в себе фигуру ферзя
шагая по диагонали разрывая кожи хром
и погружаюсь в прохожую по самое нельзя
хотя спутник ее на меня идет королем
так мы ходим толчемся, почти готовы на слом
из-за чванства и позы не считая все это игрой
пока кто-то походя с грохотом не смахнет всех на стол
и захлопнет доску с фигурами не забыв не одной

II.

Конь лежит с торчащей
Пружиной из развороченного брюха
Пешки валяются с открытыми глазами
В которых навсегда замерзли отразившиеся
Звезды
Поле вращается под ногами и спинами королей
Словно тяжелый паровозный круг
Брошенный в полночь на произвол
Одинокий ферзь ходит по диагонали, хромая и придерживая
Саблю неоторванной рукой
Слоны опавшим тушами
Подмяли цивилизации муравейников и удивленных стрекоз
Хоботы словно трубы противогозов вдыхают астму земли...
Жизнь и смерть делают постоянную рокировку
Но все оцепенело в цейтноте
Над ним сидит обхвативший голову одинокий шахматист
И думает думает над мыслью которая думает над ним
Хотя его противник уже давно летит над океаном и дремлет укутавшись
Пледом сорванным с поваленной в смиренный сон
Королевы...

Рисунок Галины Мальцевой

Алексей Парщиков

Кельн, Германия

Из цикла «Дирижабли»

1. Отбытие. Лотерея

Мы утром не созванивались, чтобы новости
нас не отбросили назад в слепую яму.
Как вдруг в окно на робкой скорости
боднулась тупоногая махина, надламывая раму.

И поплыла в затылок мне, не подавая вида,
что вписывает путь в свою окружность.
Нас обгоняли тягачи графита,
велосипеды с нитками цепей жемчужных.

Нас ожидал банкет и музыканты на аэродроме.
Пилот проекта я был первым на примете.
Мой строгий аппарат всплывал в разломе,
меж двух столетий в эллипсном просвете.

Мы взяли курс на верфь под знаком Водолея.
На дирижабле – сервер. Тьма в заметной лихорадке.
Спокойны только солнечные батареи,
как мельниц водяных — разошедшихся — лопатки.

Когда мы приземлялись, все головы задрали,
корабль обомлел, но шёл по линии отреза.
Толпа уставилась наверх ноздрями,
толпа смотрелась, как большая пемза.

Отпущена в простор верёвочная лестница
бурлящим лотерейным барабаном:
он муфтой смутной стынет и мерещится,
(шушукаются пальцы во мраке вороватом).

Я различал уже заправку, столб, колосья,
и розы на столах вибрировали так опасно,
что если б накренился — накололся.
Но срамливая газ, корабль освобождался от балласта.

Он опустел до чертежей, он дал свечу над улицами.
Он избоченился плашмя и выпукло и вогнуто.
Как длинное пальто с оборванными пуговицами,
летя, мерцает рожками. В него вцепилось облако.

Мы забирали вверх, мы забывались вверх, в гондоле
мигала на экране кибернетическая лотерея.
В обнимку с призраком радар на лётном поле.
Два залпа-льва к нам подбежав, нить потеряли и
перегорели.

Подальше от Земли! Она растёт в объёме,
к Луне навстречу. Шепчутся раскопки,
наслаиваясь в полудрёме.
И глобус утолщается, подтягиваясь через телескопы зябко.

За воздух можно ухватиться ртом. И парусом.
Без рук лететь веретеном. Баланс — единственная сила.
Шёл человек по носу одного из янусов,
и время — перекошило.

И дирижабли древние показывались на вершине,
обугленные гинденбурги поленьев чёрных.
Француз тик – с пропеллером на часовой пружине,
австриец запрягал в аэростат орлов учёных.

Подзорная труба Москва-Смоленск наклонно
вперится в дирижабль крестьянский на насесте.
По сжато му лучу доставит голову Наполеона,
его ботфорты (полшага вперёд) останутся на месте.

Как близко в воздушных и ярусный и арчатый,
похожий на театр! А дальний — крапинка на ветре.
Он кажется задержанным стеклянной палочкой
между частиц, снующих в чашке Петри.

А лотерейный барабан наращивает обороты,
сжимая время рёбрами и повышая шансы.
...И кутались на палубах пилоты,
метая бомбы в Лондон, дыша на пальцы.

Щелчки прозрений, сухопарые машины,
то по небу слоняются одне, то в круг сбиваются, немея.
На грани срыва эти нервные страшили.
Мой дирижабль на приводе тянула лотерея.

Кружащийся октаэдр! Так в центр встав, пацанка
угадывает (на глаза повязана косынка),
кто к её горлу прутиком касался,
спугнул ключицу, слух увёл вслед за блуждающей
ворсинкой.

Я мог бы подобрать любой пароль для сервера.
Всё ближе к цели, всё точнее ответ, как мячик
на резинке,
или круги бегут обратно к центру озера.
Я банк срывал на сайте казино, и напрягались рынки.

И молча в люк открытый взирали адмиралы,
корабль воздушный проводя над тусклыми горами.
Выигрывала лотерея, сбиваясь с хода и замирая.
Со мной расплачивались — богами.

Фрагменты
из романа
«...и путешествие».

Муж Александр Сергеевич

Киса любила Александра Сергеевича безусловно, но если бы он был Пушкин, она бы любила его ещё больше. Он был мужем. И если это можно назвать профессией, то он, безусловно, был профессионалом. Даже когда он не мог уже выносить Кису как муж, и готов был застрелиться как человек, он оставался мужем до конца, он оставался профессионалом. Всё-таки Пушкин был поэтом, но не мужем. На кого он оставил жену! на другого мужа! А де-

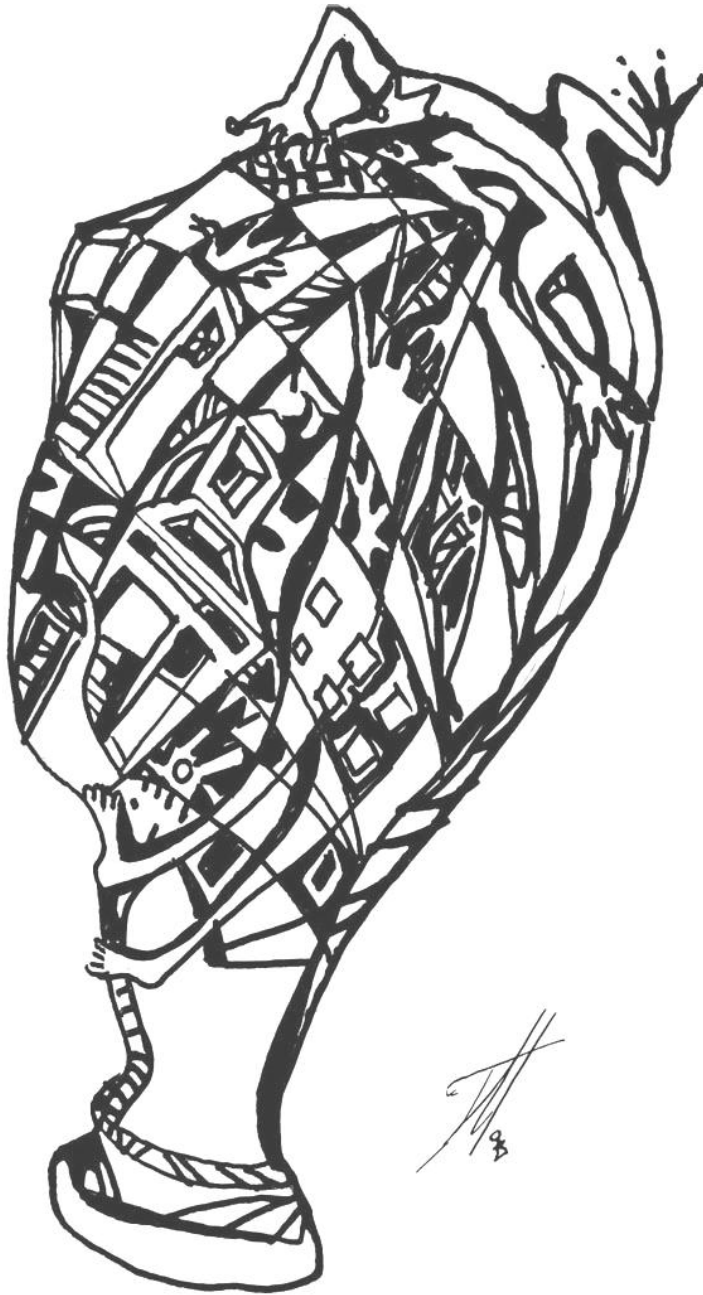

Рисунок Галины Мальцевой (ДООС).

тей! на кого он оставил детей! Нет, Александр Сергеевич Пушкин был поэтом, а вот Александр Сергеевич – был мужем. Хотя кто знает, может, А.С. Пушкин был и мужем, и отцом и поэтом, может, он был – наше всё. А вот Александр Сергеевич не был отцом. Не был поэтом, И даже не был мужем, в том смысле, в котором был Пушкин, то есть на дуэли бы не погиб. Но зато Александр Сергеевич был не третьим мужем, а вторым, и имя у него было как у Пушкина – Александр Сергеевич, и он никогда не был мужем сестры, потому что у Кисы не было сестры, он был профессиональным мужем.

...Александр Сергеевич принёс два персика. Киса взяла один и потрогала. На нём действительно была персиковая кожа. Без всяких метафор. Киса потрогала свою кожу. Персиковую. Потом у персика. Потом у себя. Всё-таки у персика была персиковее. И вообще когда люди живут вдвоём, они всё время учатся друг у друга, и почти становятся одним человеком. Они перенимают привычки. Начинают одинаково высовывать язык, они как-то одинаково вздыхают, но вот что поразительно, никогда они вдвоём не становятся одним поэтом. Например, они вдвоём видят один и той же пейзаж, они об одном и том же говорят, моют руки одним и тем же мылом, слушают одних и тех же птичек, а получается, что один из них поэт, а другой просто слушает птичек.

А Осип Эмильевич – поэт, а Надя слушает птичек.

А Александр Александрович – поэт, а Люба слушает птичек.

И Марина Ивановна – поэт, а Серёжа моет руки мылом.

А может всё не так, может всё

проще – просто через одного человека идёт слово, а через другого не идёт. И никакой он не писатель, а просто пропускает через себя слово, и всё, и в этом он весь писатель.

А тот, кто звук пропускает – он композитор. А так всё остальное время и Надя, и Люба, и Серёжа проводят в трудах.

...Вот мошка стучится в окно. И про неё могут быть стихи, и про всех могут быть стихи на этом свете. А про тот свет, какие про него могут быть стихи, чтобы они хоть чуть-чуть были настоящие. Ведь настоящие стихи, они могут ранить сердце. А тот свет, он ведь только тем и может ранить сердце, что про него ничего не известно. В этом и есть рана, А все-таки она назойливая эта бабочка. И полкрыла у неё нет, и каблук стоптанный, и шляпа как-то криво сидит. А всё-таки хороша. Чем? усиками. Ночная бабочка. Реагирует только ночью – на свет, когда вокруг темно. А на солнце, когда вокруг светло – не реагирует. Ей нужно, чтобы свет был в ночи, а не свет на свету. Какая-то она потасканная после бессонной ночи, после ликёра, которого нализалась и чуть не утонула в стакане. Любит сладкое. Она просто графика – эта бабочка. Светлая, на фоне тёмного окна. Она бьётся с той стороны, с улицы. Она не может разбить стекло. И вот она себя исчерпала, И она уже летит к другому окну, к другому поэту – ради стихов. А может вообще всё – ради стихов? Даже война, чтобы истребить полчеловечества и прямо в сапогах, где по подошвам ещё чьи-то выбитые мозги размазали, прямо с грязной шеей – сесть прямо за стихи. И любовь – ради стихов. Чтобы истребить её, бедную, такую живую, такую хрупкую, ради этих сильных стихов с такими мужскими рифмами, ради них – ритмичных, А может вообще весь этот мир – это чьё-то стихотворение?

Зато в стихах почти не едят, если это не пир какой-нибудь в стихах. И в магазин в стихах почти не ходят. ...Она шла домой и сочиняла стихи, может, это не надо делать? и надо запретить? запретный плод сладок? стихи были про то, как бы про абсолютную тишину. Про то, что мир, он наполнен звуками; это поезд, часы, сковородка, чайник, автомобиль. Но иногда бывает так, что исчезает вдруг звук совсем. И даже эти звуки: чайника, автомобиля. И оказывается, что это полная пустота для человека, в которой нельзя пойти ни туда, ни туда-сюда. В этой пустоте даже нет шума дождя, вообще полное отсутствие шума, звука. Это даже не затычки в ушах, а в самом сердце ничего не слышно, как будто у сердца нет ушей

Вот дословно пересказанная история пятилетней девочки: жил был Пушкин. И приходит к нему негр без ног. И Пушкин ему говорит: "ну здравствуй". И негр говорит: "здравствуй". Пушкин отвернулся и говорит: "да свидания, Таня".

– а при чём тут Таня?

– забыла сказать, – сказала девочка, – с ним ещё Таня была.

И вдруг всё становится неинтересным: мороз и солнце, день чудесный, и даже становится противно – я памятник себе воздвиг... всюду цитаты. На вокзале – ямбы, В магазине – перифраз. На заборе рифмы...

Кунст-камера

Из истории поэзии

Валерия Письменная

Этюд Ольги Лариной

Есть в романе «Евгений Онегин» такая шахматная миниатюра: «Уединясь от всех далеко, / Они над шахматной доской, / На стол облокотясь, порой / Сидят, задумавшись глубоко, / И Ленский пешкою ладью / Берет в рассеянье свою». Петербургский шахматный мастер Илья Степанович Шумов (1819-1881) создал по мотивам «Онегина» шахматное сочинение, доставляющее любителям игры эстетическое удовольствие элегантностью замысла. Шумов сочинил несколько партий и окончаний, иггранных якобы между Ольгой и Ленским. Впервые играя в сочинениях Шумова белым цветом, Ольга демонстрирует комбинационные способности и восхищает жениха: «Партия была скучная (сицилианский дебют). На 23-м ходу, Ленский потерял коня и вообще играл рассеянно. Последний ход был пешкой h7-h5. Теперь играть Ольге, но в это время на одну из не занятых шашками клеток села муха и преспокойно стала чистить свои запыленные крылышки. Ольга загляделась на нее и что-то соображала. Вдруг с веселым смехом говорит Ленскому: "Знаете ли, что... хоть это вовсе не женское дело, ну да ничего, на этот раз только... я из мухи сделаю слона, и тогда вам мат в 4 хода". Ленский был восхищен шуткою Ольги...» Далее они затеяли спор, и последовали условия задачи: «На какой клетке сидела муха? И как сделать этот мат в четыре хода, поставив на той клетке слона?» Видимо, не всегда плохо делать из мухи слона: но если делать мат из мухи надо чтобы слон, по крайней мере, был «под мухой». Ведь «слон под мухой» все-таки ощущает себя гораздо лучше, чем муха под слоном!!! Хоть к самому Пушкину это не относится.

Кристина Зейтунян-Белоус

ДООС

Париж, Франция

Компьютерная любовь

Непорочной связи пламя
разжигающий нутром,
угреватый вьется хакер
над компьютерным столом.

В силиконовой долине
к силиконовой груди
прижимает программистка.
электронный плод любви.

Любо слушать вечерами
техномоды нежный писк,
цифровые муки страсти
загрузив на жесткий диск.

Форумов шальное гетто
гигабайтами шуршит.
Хором интернет-поэты
воспевают дивный миг...

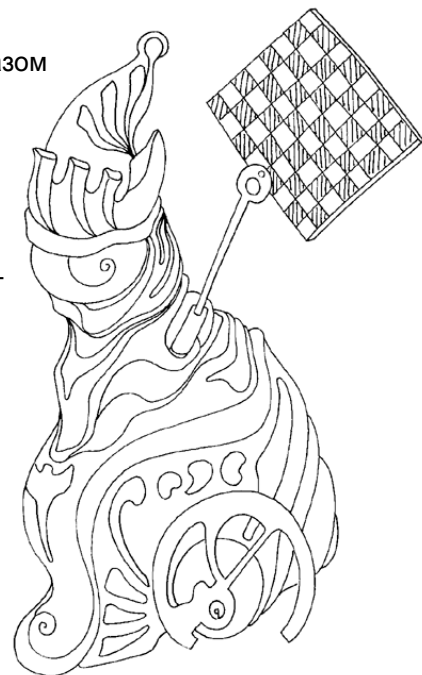
* * *

Сквозь ряд узкоколейных странствий
преодолеть смогу едва ль
иммунодефицит пространства
и черно-белых клеток рябь.

Молчит, укрывшись медным тазом
игрок, хоть он и чемпион.
Одни смиренно ждут приказа,
другие лезут на рожон.

Но пешке перевоплощенной
ведь светит в облике ферзя –
будь она светлой или темной –
та же фанерная стезя

Рисунок
Кристины Зейтунян-Белоус
специально для ПО

Герман Виноградов

ДООС – огнезавр

ЖУРНАЛ ПОЭТОВ

ПОЭТ – НОЖ ЛУВРА?
НОЖ – ЛУВР ПОЭТА?
ПОЭТ – ЛУВР НОЖА?
НОЖ – ПОЭТ ЛУВРА!
ЛУВР – НОЖ ПОЭТА!
ЛУВР – ПОЭТ НОЖА.

КОНСТАНТИН КЕДРОВ = КОНСТАНТРОВЕДНИК

Примечание.

Стихотворение Кристины Зейтунян-Белоус
«Компьютерная любовь» – поэтическое эхо
от поэмы К.Кедрова «Компьютер любви».

Два текста Германа Виноградова – анаграммы. Они
состоят из букв, входящих в словосочетание
«Журнал ПОэтов» и имя «Константин Кедров»

Иван Чудасов

старший научный сотрудник
Дома-музея Велимира Хлебникова
Астрахань

Стихотворение, написанное хореем

Хорей-хорей, хорей-хорей,
Хорей, хорей-хорей, хорей.

Цензору

Ведь нынче любят
бессловесных.
А.С. Грибоедов

• • • • •
• • • • •
• • • • •
• • • • •

композитор, заслуженный работник культуры
ДООС – звукозавр
Казань

НОЭЛЬ

мир исчерпал запас своих воз
 можностей впрочем
 возможности множественны
 и всё ещё м(н)ожно то и э
 тои – эта
 жом выше – жомно
 воз прежних дикостей (костей! костей!)
 глобальных ди дилэ ди Ди
 лемма такова:
 или – или
 бы(ть) или вы
 или вы-
 быть из
 (Кедров вы брал ИЛИ
 но ведь есть еще «эль» и
 в слове о **Эль**
 «когда камней бесился бег»
 некий Велимир
 сказа: «л» это)
 выть – вой – войны Ны ныне
 и присно и во
 веки мира уже почти за кры
 шей огней полог ночи о
 чей
 всё уже взо
 ры к тут – не спаСти кс
 «кому повеем печаль»
 и кому мы му – му с кем
 нем – о – прощаемся общаем ся возвраща
 емся на круг(и) свояГо вра –
 врата в *пролайю* Ны
 не широки
 грядет се –
 но миг(!) как онъ Я сен
 и (п)рек
 как он красен и (п)речист голуби
 зноу (знаю) своей – ей ему ей мне (ей, ей!)
 и (пра!)
 есть вед(ь)
 эль
 вести
 и *Ны*
 х
 10/VII-05-XXI

У Лоренса Блинова в изд. В.Цапина вышла книга "Наведение мостов" (М., 2005).

Анна Альчук

1.

А. Крученых

забу**б**ейно раззудилось
испошлость
истаской что заварилась
в зл**о**сть

клянчик лянчи заполошно
зыбь
корабель щиком
ловечек
рыбь

брюхом бряцкая
слепительной плотвы
расчерченной
дырбулц головы

разразительным
лузгая чистихом
кованым
пиная
сапогом...

2.

“Сквозь тебя, сквозь меня
Катит волны свои пустота»
(Фредерико Гарсиа Лорка)

королева и Ко
роль
твоя — мнимая
пешка
горы сдвигаешь?
ход
белым конем
делаешь?

мат тебе ставлю
шах — Пространство
Время

(шах маТ)Ы все рассыпаешь
квадраты т(д)оски

на отсутствие сМЫсла...

У Анны Альчук в б-ке жур. "ФутурумАРТ"
вышла книга "Не БУ" (М., 2005).

Примечание. Лоренс Блинов использует в стихосложении приемы музыкальной партитуры (как и авторы нашего журнала Александр Бубнов и Алла Кессельман). Он так же исследователь творчества Велимира Хлебникова и продолжатель традиций его поэзии. Данное стихотворение – парафраз на тему хрестоматийного текста Хлебникова «Слово об Эль». Текст неофутуристски Анны Альчук представляет вариацию на широко цитируемое стихотворение соратника Хлебникова и Маяковского – А. Крученых «Дыр бул шил». Во втором стихотворении – традиция выявления так называемого «невидимого текста», скрытого в знакомых словах.

по диагонали

Рыбки тоже есть хотят
А ты покормил рыбок?
Полей цветы – покорми рыбок
А ты покормил рыбок?
Покормил рыбок – полей цветы

Внутри продолговатого стеклянного
контейнера началось движение.
Разноцветные пятна, прежде хаотично
разбросанные по замкнутому пространству,
образовали собой две строгие линии, одна
напротив другой.

Добралась хорошо, может, кто звонил на
автоответчик? Не голодай! Целую.

Рельеф дна равнобедренными секторами
разделил прозрачные литры и застыл в
ожидании.

Партия началась. Поблескивая плавниками,
одно из пятен передвинулось вперед.
БЕЛЫЕ: (ход S-2 D-8) Королева ест короля.
ЧЕРНЫЕ: (ход C-2 П-2) Преломленная
стеклом аквариума линия разделила
потолок.

Как дела? Рыбок кормишь? Цветочки
поливаешь?
Как себя чувствуешь? Целую.

БЕЛЫЕ: (ход K-5 A-3) Королева ест
аквариум.
ЧЕРНЫЕ: (ход П-2 Б-3) Другая линия
шмякнула тенью по стене и уперлась в
зеркало.
БЕЛЫЕ: (ход A-2 C-5) Королева ест стул.
ЧЕРНЫЕ: (ход Б-3 Б-4) Одеядо складкой
образовало два больших квадрата, и
побелело.

Привет, дела плохо – исчезло несколько
рыбок.
Мне надо что-нибудь делать?

БЕЛЫЕ: (ход C-5 K-2) Королева ест кровать.
ЧЕРНЫЕ: (ход Б-4 П-2) Размноженные
зеркалом линии измерили комнату.

Главное вынь всех. В нижнем ящике – сачок.
Воздух у них бурлит?
Потом вычерпай одно ведро воды и долей
свежей хол. воды из-под крана. Пиши.
Целую.

БЕЛЫЕ: (ход K-2 C-5) Королева ест стену.
БЕЛЫЕ: (ход C-5 E-5) Королева ест потолок.
ЧЕРНЫЕ: (ход B-3 K-1) Не знаю что делать,
обратных билетов нет, может на 29-30? Целую.
БЕЛЫЕ: (ход E-5 Э-4) Королева ест этаж.
ЧЕРНЫЕ: (ход K-1 Л-6) Игровое поле выходит за
пределы квартиры.

Завтра еду за билетами, наверное, буду 17,
позвоню, отдых – супер. Целую.

В аквариуме пропала излишняя пестрота и
воцарился покой, изредка нарушаемый
красивой светлой формой, которой обладала
бессмертная аквариумная рыбка.

Привет, рыблюбитель, как дела? Я завтра днем
приезжаю. Дома будешь? Целую.

БЕЛЫЕ: (ход C-1 З-1) Королева ест земной
шар.
ЧЕРНЫЕ: (ход З-1 Ю-1) Галактика Млечным
Путем страстно обняла вселенную.

Исчезают только по диагонали

Хитрость, коварство, жадность, самолюбие,
пунктуальность, сила воли, тормоз.

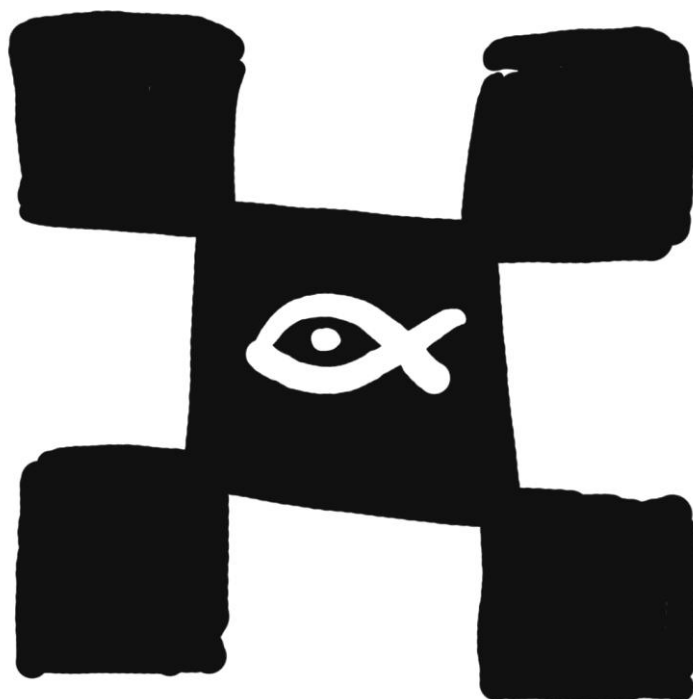

Рисунок Андрея Врадия

Маргарита Аль

Д-верь

Были
знаки,
тени,
сны.
Небо забыло плыть
в голубое.
Думали:
Сердце:
Душа.
Думали:
Интуиция.
И вот:
Цена:
Другой.
Волей
неволю
поправ
волю
воспел
в неволе.
И вот:
Цена:

Другой.
Тоньше.
Чутче
небесных
сфер.
Мимо,
как Люцифер,
вечно,
как Бог единый.

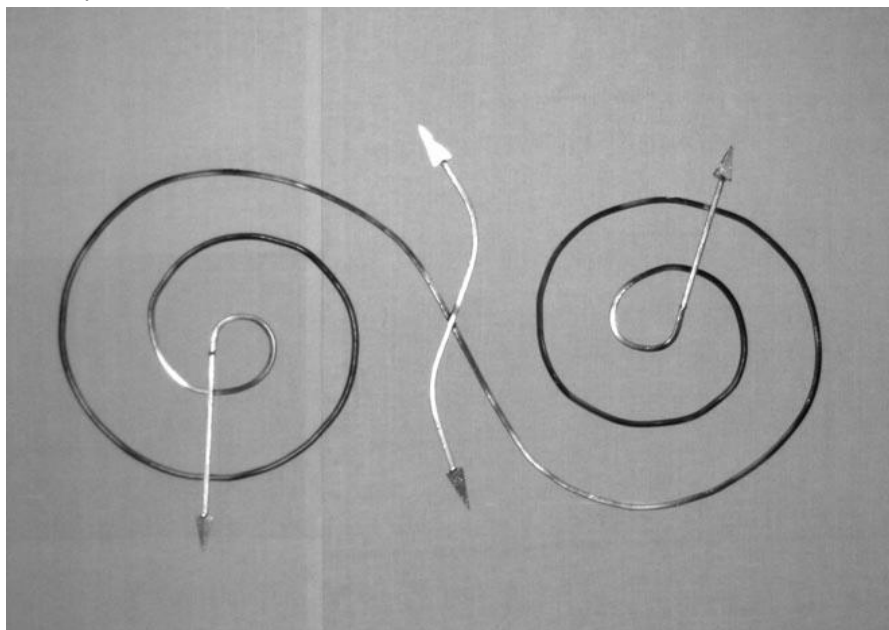
И вот:
Цена:
Другой.
Глубже.
Стрелее боль.
Сверхнищеанчее.
Вечье
спинозианских воль.
И вот:
Цена:
Другой
тротуары

в трауры руа трав.
Утрата – расплата – трата
вложенных в жизнь
сил.

Мысли –
они как Боги.
Боги –
они как Люди.
Люди –
они как вещи
носят себя в себе.

Чур меня
ручи – речи,
губы – глаза
молитв.

Часики золотые
тени от солнца луч.
Камушки чистых звуков
за светом спешили жить.

Маргарита Аль – студентка пятого курса Академии Поэтов и Философов. Выставка ее работ «Мистерия железного человека» была посвящена тематике философско-поэтического мастер-класса, который ведет декан факультета К.А. Кедров. Работа «Часы вечности» (холст, металл) основана на рисунке Кедрова, который в виде анимации был воспроизведен в программе «Очевидное – невероятное», где Сергей Капица и Константин Кедров беседовали о проблемах времени. Выставка состоялась в Центральном доме литераторов на вручении К. Кедрову премии русскоязычного интернета «GRAMMY.ru» – 2003 в номинации «Поэзия года».

Дмитрий Зимин
Смоленск

поэту

каждый поэт взвалив
себе на плечи мир
под-ним-мается

2 января 2004

неврастения

подойдя к зеркалу я заметил
что угол падения
равен углу подражания
я хотел понять
но не могу
не могу сосредоточиться
раздражает
часов нервный тик...

17 ноября 2003

Давай лучше отсюда туда
где всегда
кто-то кому-то что-то,
ведь никто и никогда
никому и ничего, –
почему? –
просто, наверное, некогда,
да и незачем.

5 июня 2003

Юрий Арабов

профессор ВГИКа

Воля

Когда убьют, то выплунешь пару пуль,
ударившись об землю, сделаешься вурдалак.
Пойдешь кутить по верхушкам берез, и гул
заерзает в чаще, и лопнут все удила.

Хотелось быть целым, но получился сквозняк
в голове и легких. Хотелось святым, но вдруг
свернулась жизнь, переломилась вот так
об колено веткой, и сгорбленный филин – друг.

Проглотишь воли, и птицей чудной лети
по ночной петле в любую вдовью трубу.
По канавам ухай и жабою о пяти
головах перепрыгивай на луну.

Воет ветер, ребенок молится на свечу.
Считает дыхание мамы, боится, что умерла
Явлюсь из воли и сделаю, что хочу,
и любая клетка станет ему мала.

Жизнь в отсутствии Рая довольно трудна, аминь.
Но в присутствии воли она набирает сок.
Под тяжелым шкафом уже завелась полынь,
мы ее сменяем на черный чертополох.

И чья-то воля, измеренная движеньем
ночи, по-рыбы нагуливает живот,
то в тине питается отраженьем
какой-нибудь девы над зеркалом вод,

то выйдет жидкой луной, как ртуть,
была кого-то, а стала вполне твоя.
И оса, мятеж пронеся во рту.
в бессилии валится, где трава.

Когда убьют... Промажут, а не убьют,
поскольку воли уж сильно крут кипятки.
Блаженства нету ни в дальних краях, ни тут,
а внутри уныло... Вот так и пиши, браток.

Владимир Ломейко

вице-президент Баден-Баденского форума
“Германо-Российский ДИАЛОГ”,
Баден-Баден, Германия

На возвращение Федора Достоевского в Баден-Баден

*К открытию его памятника
в Баден-Бадене 4 декабря 2004 г.*

В рулетку проигравшись в пух и прах,
Шел Достоевский по “Аллее вздохов”,
Кляня судьбу, с собою не в ладах,
Вздыхал о невезеньи, горько охал.

Унижен бедностью и оскорблен —
В игре хотел поймать он птицу счастья.
Откуда ж знать, увы, что гений обречен
Жизнь сострадать, как вечное ненастье.

Он остро чувствовал чужую боль,
Всем сердцем отвергал несправедливость.
Бунтарь и страстотерпец... Эту роль
Судьба ему сыграть распорядилась.

Рукою Мастера он в бронзе воплощен,
В Зените славы возвратился в Баден-Баден.
И люди тянутся со всех сторон,
Чтоб постоять с великим человеком рядом.

Наш Федор в долгополом сюртуке,
Босыми пятками упершись в твердь земную,
Стоит, сжимая пальцы в кулаке,
Как в жизни против зла насилия протестуя.

Скульптор
Леонид Баранов

Сентябрь — ноябрь 2004 г.

Янкель Карро

Париж, Франция
(1947–2005)

Фрагменты
из поэмы

Голубой тигр

Перевела
с французского
Кира Сапгир

1.
Мне следовало бы следовать вслед
За черным аэдом
Что шел к моей погибели
Прямоком
По днищу Гудзона
К кирпичному жданию тюремного стиля
В заключенном заговоре
Никто

уж не жил там

Уличные плясуны
В противонаправленности
Амстердама и Бродвея
Поймали в сети
Западный прилив
И души-подношения
В броуновском направлении –
Мне уж не суждено заплутаться –
На крыше утра
Была ты...

На подступах к реке Голубой тигр
Совершал первый рейд
По Манхэттену
Со своим саксом.
Музыка сквозит
И временами он то опасен,
То нежен.

Он верит в свою непобедимость и
Исчез...

Игрой был импровиз
Молнии
Ск
Скс укрылся в шепот
Голубой тигр поглотил музыкой
Тьму прохожих
Потом бросил вызов небу
Принося медное горло в жертву
смеху

Слишком юного бога
Ожидавшего в ветвях дерева.

2.
Да, она всегда возвращалась,
Стремясь застать врасплох
(Порой из-за разочарованной любви)
Когда она возвращалась из Африки
Я говорил ей, что слышу
Черный шум ее крыльев
И в ответ на все мои слова раздавался
смех –

Так мы поступали, словно
У нас было время.
Мы проходили сквозь
Последние наши пустыри
Она несла смерть
Голубое мерцанье
В своей походке
Затем снова отлетала
Отсылая из Бамако открытку
Отель «Дакар – Этуаль»
Оставляя на ответчике
Пенье пустыни
Беззаботное безвременье

Я настраиваюсь с небом в лад
Над священным деревом
Оно неразлично среди молодых млечных
мечей

Тающих в горячей мгле

Щит реки таит угрозу, сулящую смерть сыновьям
вождя – того, кому жестокий жребий пишет
дерево Мапу по ее телу, отданному в жертву –
это оно, дерево, к нему всегда идешь, не ведая
того.

Я ищу имя той, что пересекла реку и закрыла
глаза перед этим деревом – ее растительным
предком. Здесь она умерла и когда мне
сообщили об этом, тотчас же я услышал рассказ
человека в голубом
поведавшим всю родословную безумия людей...

Поэт и этнолог Янкель Карро, прапраправнук великого кабаллиста Джозефа Карро, толкователя и комментатора Талмуда 16 века, чьим именем названа одна из улиц в Тель-Авиве. Другой его предок – Авигдор Карро, равин из Праги, мудрец и философ. В 30-е годы семья Карро эмигрировала из Восточной Европы во Францию и в 1943 году была почти целиком уничтожена в Освенциме. Сам Янкель Карро был филологом, специалистом по русскому языку, и, одновременно сибирологом, исследователем якутского фольклора, который собирал во время своих многочисленных экспедиций в Якутию. Переведенные Я. Карро якутские эпосы «Олонхо» вышли в прошлом году в издательстве «Галлимар...» («Монд», 6 января, 2005 г.)

Примечания переводчика

А насчет Янкеля – полная мистика! Я нашла свои переводы его стихов в моем бардаке чисто случайно. Тут же в другом углу пещеры нашлись распечатки статей о коллоквиуме ЮНЕСКО о народах Крайнего Севера, где мы с ним познакомились в 1994 г. И сразу же позвонили из «Русской мысли», чтобы сказать, что я должна присутствовать в качестве собора на коллоквиуме в ЮНЕСКО, посвященном якутам!

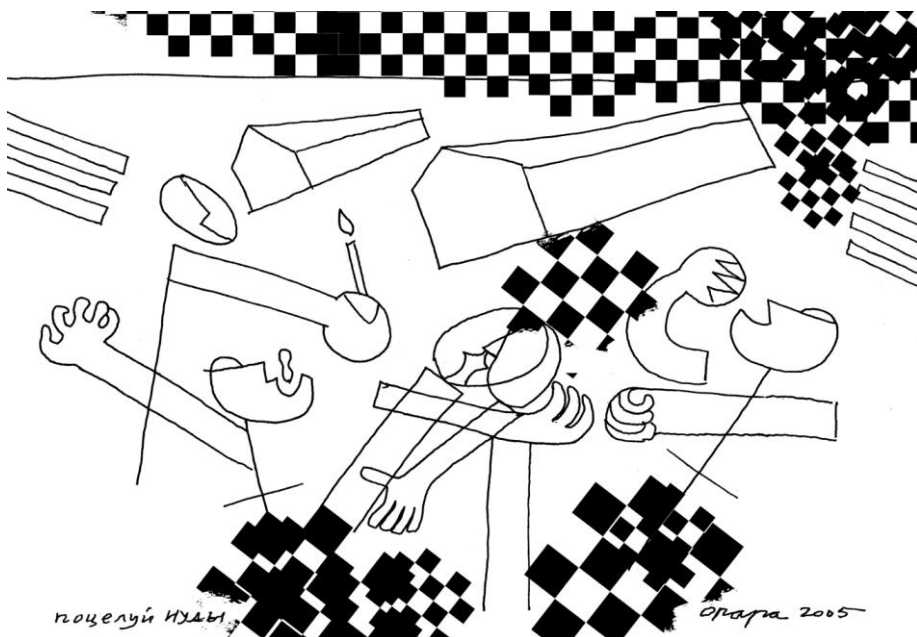

Рисунок Владимира Опары

КУНСТ-КАМЕРА

Из истории поэзии

Тамара Приходько

Кони на кону

Накануне годовщины Владимира Высоцкого мне удалось побеседовать с **Валерием Золотухиным**, который не только играл в спектаклях вместе с Высоцким, но часто выступал вместе с ним в концертах и был свидетелем того, как воспринимали его песни современники.

ЗОЛОТУХИН: «Для меня откровением было, когда Каспаров, не будучи знаком с Владимиром Высоцким, ни разу его не видя, идя на страшный матч с Карповым – первый, – он ставил «Кони привередливые». Ставил, выходя на поединок. Вы понимаете, что это такое? Шахматная корона и – Высоцкий. Он слушает и идет играть, идет на выигрыш. Вот какой заряд давал ему Высоцкий»

(«Эхо Москвы» 25 июля 2005).

Снимок с того самого матча.
Фото Виктора Ахломова, «Известия»

**Владимир
Монахов**
Братск

Пусть время
Кормится

Нашими
Телами

А вечность
Душами

Почему
В Бытие

Всегда так
Голодно?!

Отшельник

Я – песчинка.
Ты – песчинка.
Он – песчинка
Она – песчинка.
Мы – песчинки
Они – песчинки

Чувствую, как планета
Вязнет в пустыне людей.

Юрий Линник

доктор философских наук, профессор
Карельского педагогического университета
Петрозаводск

Бабочка – метафора цветка

(о новой поэме Константина Кедрова)

1. Это словесные заросли. Verba тут сплетается с Herba. Семантическую чашу нельзя прочесть анализом. Лучше сдать ей. И позволить лианам тропов опутать рассудок – внедриться в бессознательное – прорасти сквозь него.

2. Рост растения похож на рождение стиха. Это глубоко чувствовал И.-В. Гете. В 1790 г. он издал «опыт объяснения метаморфоза растения». Там показано: все части растения – от семян до тычинок и пестиков – являются превращениями листа. Метаморфоз – в биологии, метафора – в поэзии. Два разноуровневых процесса во многом параллельны друг другу. Стиху Константина Кедрова присуща растительная органичность.

3. Водное зеркало, в которое смотрел Нарцисс, было необычным. Мало того, что оно сотворило метафору отражения – перенесло юношу за грань реальности: инверсии получили продолжение в метаметафоре – человек стал растением. «Фиалкиада» Константина Кедрова сродни ботаническим сюжетам «Метаморфоз» Овидия.

4. Цветок орхидеи – метафора ее листьев. Когда этот цветок становится похожим на бабочку или шмеля, то метафора перерастает в метаметафору: растение экспериментирует в авангардистском духе, ломая и модифицируя каноническую форму. Явление это редчайшее. Осваивая искусство перевоплощения, орхидеи нащупывают контакт с иной формой жизни – пытается уподобиться ей. В своих метаметафорах Константин Кедров повторяет этот алгоритм на несравненно более высокой ступени: цепная реакция превращений у него максималистски завершается теозисом – полным уподоблением человека Богу-Творцу. Фантастика растительных метаморфоз предсказывает поэтику метаметафоры.

5. «*пишут Ван Гога маки
пишут Моне кувшинки
пишет тебя сирень*»

Бездонная философия заложена в этих смысловых перевертках. Инверсия патологична. Вывернувшись наизнанку, Единое предстало как Многое. Исподом Ничто является Всё.

Субъект и объект – амбивалентны. Самая сильная обратная связь заключена именно в инверсии. Константин Кедров инверсирует тварное и нетварное – земное и небесное – внешнее и внутреннее – природное и художественное – реальное и вымышленное. Инверсии у поэта имеют форму игры. Игры божественной! Ведь Бог творит играючи. Больше всего он любит палиндромы. Тардионы и тахионы; частицы и античастицы; материя обычная и материя зеркальная: это физические перевертки. Биос тоже любит инверсии, закручивая то правые, то левые спирали. Константин Кедров подхватывает эту эстафету. Моне пишет кувшинки – кувшинки пишут Моне. Через игру здесь выявляются новые глубины мировой гармонии.

6. Поэтические инверсии смыслов могут говорить о необратимом. Такова дефлорация. «*Оля сорвет василек / Олю сорвет Василек*». Возвращайтесь в цветы! Поэт хочет порчу обратить в целомудрие. Это возможно. Однако не здесь, а там: в трансцендентном занебесьи – после Преображения. Поэтика Преображения – это поэтика инверсии.

7. Почему именно русские ботаники внесли самый фундаментальный вклад в теорию симбиоза? Возможно, она в неявной форме резонирует с идеей соборности, получившей особый отклик в русском сознании. Симбиоз нераздельно и

неслиянно соединяет разнородное. «Фиалкиада» являет чудо словесного симбиоза. «*Гамма Гамлета тонет в гаме*». Аллитерация может быть понята как звуковой симбиоз. Метафора тоже есть род симбиоза. В неожиданном сращении смыслов могут обнаруживаться глубинные экзистенциальные созвучия: «*Сад словесный рыдающий как Кьеркегор*». На пажитях «Фиалкиады» бурно произрастают центоны. Всегда неожиданный и непредсказуемый симбиоз тут роднит разные тексты, разных авторов, разные стилистики. Маяковский в «Фиалкиаде» пересекается с Данте. Это симбиоз времен, похожий на вечность.

8. Вероятно, у растений есть психика – и это досознательная, бессознательная психика. Она в своеобразной форме проявляет премирные архетипы. Семейство крестоцветных: разве оно не пророчит о Голгофе? Бессознательное питало сюрреализм. Это особая тема: растительные мотивы в сюрреализме. Исключительная способность растений к трансформации выигрышна для поэтики сюрреализма. Впрочем, задолго до Дали и Эрнста это уловил гротеск: животное и человеческое там с легкостью овидиевых метаморфоз превращается в растительное.

«Фиалкиада» сюрреалистична. В ней много гротескного. Так из лилии вышел Христос – это образ вполне переводим на графический язык гротеска. Лилия у Константина Кедрова обнаруживает беспрецедентный дар превращений. Она становится аналогом лотоса – запускает космогонический процесс:

«*Эта лилия словно
небесное лоно
породила весь мир
и царя Соломона*»

Потом она оказалась в руках архангела Гавриила. Благовещенье осуществило величайшую метаметафору!

Превращение лилии продолжают. Вот мертвой Офелией она плывет по английской реке. Но почему к воде примешивается русская кровь? Он самоубийстве в «Фиалкиаде» сказано гениально: «*Он в себя стрелял из несебя*». Лилия архангела Гавриила обернулась Лилей Брик. Белое Благовещенье опрокинулось в черное Зазеркалье.

9. Есть симбиоз и есть разрыв. Две силы – две тенденции – два полюса. Вы над садом? Мы с надсадом. Вы из сада? Мы из Ада. Фонетика размывает противоположные значения.

Жизнь делает то же самое. «Фиалкиада» полна разрывов.

Гармония цветов соседствует с диссонансами бытия. Словы – и выстрелы, хоралы – и взрывы: таково акустическое пространство «Фиалкиады». Сюрреализм поэмы трагичен. Марина Цветаева писала: «За этот бред / пошли мне сад». Сад Константина Кедрова бредит. И галлюцинирует! Но за бессвязностью бреда проступают грандиозные смыслы. На взорванном мосту стоит Данте. Потом его сменяет Флоренский – Флоренция празднует Пасху. Вот Флоренский и Данте стоят одесную и ошуюю Кедрова. Поэзия прорывается в вечность. Это тоже инверсия: время, переходя некий онтологический рубеж, становится антивременем – вечностью. Подлинное призвание поэзии – ее миссии – заключается в инверсии этих уровней. Фиалки нашего земного Ада она спасла от окончательной потравы. Приживутся ли они в садах Эдема? Дай то Бог.

Алина Витухновская

Как луна

Жук... Кто о нем думает?!
Жук. Чего о нем думать-то?
Жук. Тут и думать нечего.

Кричу даже не хочу ничего объяснить
 просто больно
 просто просто
 просто хуже воровства.

А что кричать,
если реальность – беруши?!

Что топать
ногами
мертвыми?..

И не собираюсь никому снится.
Что я есть, что меня нет...
...Что мне не объяснимо...

Ты дружишь с Енотом.

...Я?
Я?...

А это кто такая?

А это кто такая? Кто такая?..

У тебя будет новая современность,
книжки с картинками,
удовлетворяемые инстинкты.

Я теперь такая устаревшая –
даже не часть культуры,
даже не искусство.

(...А может быть
 будет уже не «искусство»,
 а любой набор букв.)

Ты живешь, а я все еще умираю.
Мне больно и зря.

(Ты обязательно в это вживешься!)

Я все еще умираю
больно.

Пара банальностей –
«Все было зря.
И если не было – зря».
Без разницы.
Все было зря
 Все не было зря
 Все было зря

КАК ЛУНА.

вот тогда
ты окончательно
про меня забудешь.
Не было никого.
Ты и современность.

Я бы попросила
меня ненавидеть
хотя бы.

КАК ЛУНА?

НИКАК!

Если, допустим, я вызываю
Эмоциональное потрясение,
а остальные – ничтожества и удавы,
удавы и ничтожества,
 ничтожества и удавы,
тогда наступает такая
инквизиторская справедливость,
такая беспомощная,
 ни для кого объективность,
такое «дальше некуда», такое дальше,
такая убийственная определенность!..

Если, допустим,
 я вызываю эмоциональное
потрясение,
а ты, наоборот, –
 ничтожество и удав,
тогда, больно не больно,
но присутствует
некая справедливость
(хотя и не для кого).

Но я хочу, что все иначе:
я ничтожная и как бы сдохла
больно, но... изумительно бестолково.
Больно как, допустим, Жуку.
(Он ведь тебе без разницы?)
В контексте ВСЕГО это что?
В контексте всего ЭТО не боль.
В контексте всего это НЕ БОЛЬ.

Я абсолютно ненужная
ни тебе, ни себе, ни вообще
 (что самое!..)

Как жук.
Только порчу картинку.
Даже иначе – просто отсутствую.

И что больно, не имеет значения
даже для боли.

Дружи с Енотом.
(Или что там, в твоей
 современности?)
Меня ведь, в сущности, не было.

Какая наглость,
что я здесь пишу О СЕБЕ
что я здесь ПИШУ о себе
что я ЗДЕСЬ пишу о себе.

Наглость и глупость.

Ни о чем не прошу.
Отсутствую в том самом смысле.

Я...
.....

Зачеркиваю про себя.

Хочешь, будь.

А я больше не буду.

Не достойна даже
 самоуничижения.

КАК
ЛУНА!

*Фото-графика
Марины Герцовской*

Ефтим Клетников

Македония

Реинкарнация

Когда вернусь,
если вернусь,
войду ли
в ту же самую дверь,
увидю ли каплю росы
и радугу,
ручей, что бежит через село,
расцветет ли цветок,
и соберет ли пчела нектар его,
чтобы превратить в мед,
и утолит печаль мою,
которая возвращается снова,
возвысится ли сердце мое над горами,
возведу ли дом,
на боли моей и радости,
утомленный тревожным ожиданием?
Чужестранец
пред нашей дверью стоит
чужестранец с замершим лицом.
Его бокал наполнен
не вином и пламенем,
но теплом.
Молчит порог, исполненный болью,
дает нам знак остаться дома.
Но мы должны идти,
чтобы крестить и венчать,
восславить имя светлое

и благословить его
молитвой и пением.
Веками нас ждет
святая Богородица в алтаре,
мы хотим вымолвить имя,
но слово не срывается
с наших губ.
И растет молчание, как скала,
подпирая врата,
перед темным намерением
чужестранца.

Славянский крик

Из карпатских болот
Рождается языческий крик
И над рощей шумит,
И несется на юг
К распростертому морю.
Мрамор древних колонн
Пережил этот крик,
Этот варварский говор.
Он стихает,
Обретя куполов позолоту
Византийскую,
Высоту непорукенных арок,
Чтобы в чашу создателя
влиться темным вином.

Перевод с македонского
Анжелины Полонской
и Эмилии Йованович

Николай Буторин

Санкт-Петербург

Historia

Историки устроились неплохо.
О чём грустить, о чём переживать –
ведь обожает каждая эпоха
былое на себя перешивать.

Борьба на этом поприще тернистом
нешуточная – много здесь хлопот.
Зато сверхпробивным специалистам
немалый гарантирован доход.

...А Клио черепки перебирает,
в иссякнущих источниках скребя.
И самое себя перевирает,
перетирая самое себя.

Ей всё равно, прелестнице унылой,
Дюма или Плутарха перечесать...
История – отнюдь не то что было.
История, скорее, то что есть.

* * *

До слёз, до яростного стога
вдруг захотелось быть как все –
чтобы не чокнуться совсем
от Канта, Ницше и Платона,

чтоб оградить от мук смертельных
рассудка слабую свечу...
Раз не дано, не по плечу –
уймись, проклятое смятенье,

я не факир, чтобы с апломбом
глотать подобные ножи!
Ведь высших истин стеллажи
сродни гигантским катакомбам –

о, сколько здесь блуждало шустрых
и многоопытных мужей!
И ни следов, ни рубежей.
И только хохот Заратустры...

Вот обступают благосклонно
легенды, числа, миражи...
А ведь хотелось – просто жить!
Но я отравлен был Платоном...

Полина Слуцкина

Дожила до красивого цветка
до ветвистой курчавой лианы купив 5 лет назад
жалкий отросток за рубль в зачуханной лавке
Поливают его другие
хотят его другие
Все кому не лень
Хотят и лелеют его другие за определенную мзду
а я просто живу
иногда бросаю на него рассеянный взгляд
и удивляюсь его богатству и пышности
Не он благодарен мне а я ему
как он благодарен Солнцу Свету и Воде
Я благодарна ему за то что он вырос и возмужал
и наверное забыл о том
что я его купила его и вынянчила
маленьким и хилым
Он улыбается тем кто дарит ему Воду
Он пьет ее как Вино
А я улыбаюсь ему в надежде
что теперь-то он меня заметит
и отличит от всех тех кто бывает в нашем доме
Кто кое-как холит его и лелеет
Кто кое-как холит и лелеет меня
Мы с ним теперь оба подопечные
Я перестала быть его хозяйкой
Теперь я сроднилась с цветком

Рисунок Кристины Зейтуниан-Белоус

Илья Кутик

профессор
Северо-Западного университета
Чикаго, США

(фрагмент)

+++

точка – был черный квадрат, черный,
если смотреть из кресла...

я редко видел его зеленым,
т.е. с утра. обстоятельства не

позволяли засиживаться утрами
в кресле. хотя я всегда полагал: квадрат
важнее, чем его цвет – черный, зеленый, красный;

главное здесь – зиянье, о чем мы,
вернее – вы, я уверен, и не думали. ну, озоном
новаторства, в лучшем случае, шибало вам по ноздре –

то, что, к слову, никогда не томилось в раме,
а предпочло быть иконой... вспомним ее оклад
с вырезанной серединой – разве

тот, повторявший контур, но без доски внутри,
а только являясь окладом,
теряет в молитвоспособности? – да уж нет,

разве что в наглядности... лишь ускоряя воображение.
а с божественностью – как нельзя
прекраснее, ибо мы все в дыру

молимся... как уж ни посмотри
на черный, черный квадрат – а взглядом
абстракциониста только за тридцать монет

можно смысл обозвать вставания на колени
перед великой дырой. и я
в точку свою поутру

или ночью полностью ухожу,
как в икону
напротив

висящую. все дело в уходе, а не –
в этом случае – в эстетизме. все дело
в поглощенности и в поглощении.

страсть к родительному падежу
в корне
меняет всю жизнь, и вовсе не обесплотив

ее, а – делая принадлежностью. ибо вне
принадлежности тело –
лишь подъемы и щели.

1 окт. 2004

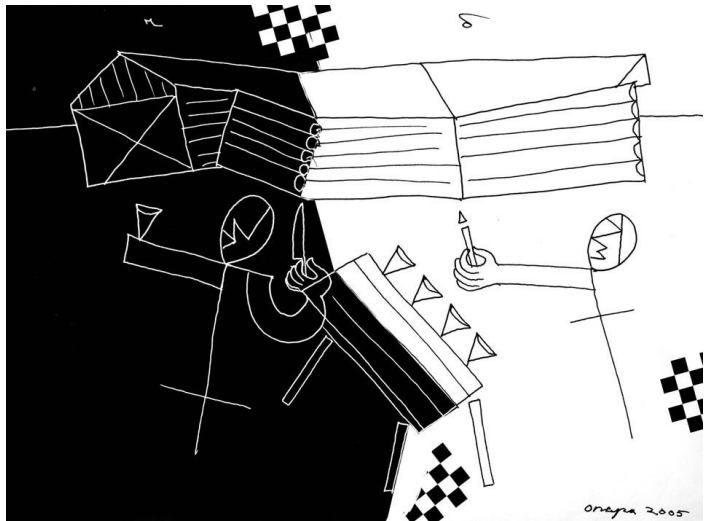

Рисунок Владимира Опары

Лилия Газизова

Казань

Камни

!.

Я узнаю эту ночь по походке.
Она придет неожиданно,
Как приходишь ты,
Размывая границы предметов,
И без того размытые моей близорукостью.

2.

На окна повесили
Красную сетку от комаров.
Утреннее и дневное небо за окном
Теперь всегда вечернее.
Теперь всегда закат.

Мир увядает ромашкой,
Поставленной в воду
Три дня назад.
Не гниет рыба с головы.
Это придумали люди-рыбы.
Только с хвоста,
Только с кончика листьев
Распадается мир на черно-белую гниль
В минуту лиловых сумерек.

Бабушка шепнула мне,
Что я княжна,
И род у нас княжеский.
Но я была комсомолкой
И засмеялась только.
Теперь нет бабушки
И нет комсомола.
А я стала княжной.

**Анжелина
Полонская**

Песочные часы

Положи мне руки на плечи –
так
мы встретим ещё одну звезду.
Мы проводим ещё одну ночь,
добывая хлеб
для голодных глаз
на белом поле твоей груди,
на лунных склонах колен,
собирая влагу для губ.
А когда
время придёт нас забрать –
разлучить нас, –
умолим наши сердца
превратиться
в этот мёртвый песок,
пересыпанный тысячи раз
из сосуда в сосуд.
Или...
в мёртвого времени гул?

*Перевела с испанского
Анжелина Полонская*

Две птицы

Две птицы на песке сером, словно зола.
Спящая птица – та, что справа; перья её тусклы,
и забвение приготовило ей место в палой листве.
Ветер вырывает перо из её крыла, чтобы написать
невидимыми чернилами дождя Umbra*
по одну сторону, а по другую – Lumen*, там,
где вторая птица кричит над мёртвой, растворив жёлтый клюв.
Так и я, посылая тебе эту картину, всего лишь хочу сказать,
что могу быть двумя птицами сразу.

**Тьма и Свет (лат.)*

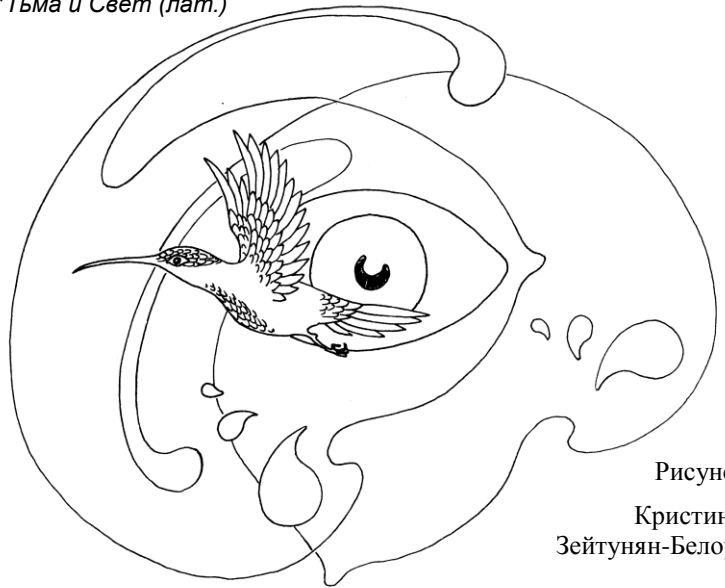

Рисунок
Кристины
Зейтунян-Белоус

Леопольдо Пенья дель Боске
Мексика

Дождь идёт

Дождь идёт за окном,
В прозрачности его слезы
Луна наполняет комнату
Призраками неясными.

И мятежная вдруг звезда,
Рвёт облаков паруса
И капли того дождя
По притолоке скользят.

О, ты мой дождь смиренный!
Всё полнится ностальгией,
Присутствие этой боли
Тебе не даёт воскреснуть.

Глядя на леопардов...

На той затерянной улице,
Где больше не обнаружить твоих следов,
Память о тебе лишь сладость или горечь прошлого,
в зависимости от того, каким оно было.

И насмешки, оставленные тобой, словно леопарды
Выводят рулады, в холодных зимних сумерках.
Скрытые, делают мою любовь своею шуткою,
И твой аромат их выпускает на свободу, чтобы они умолкли.

И иллюзия времени мне возвращает суть,
И наполняет душу болью,
И одиночество подбирается ко мне сквозь окно,
Лишая рассудка,
Когда я вижу леопардов на дереве, посаженном нами,

Любящих друг друга в своём укрытии.

Галина Якубовская

Заговор королевы

Лидия Григорьева

Лондон, Великобритания

Мир в рОЗОВЫХ очках

Пусть будет розовый звенящий пустой как шар
искусственный ненастоящий – нетленный дар
пусть будет явный обозримый простой как слон
и заваливающий и любимый – как дом на слом

И розовый Хлебников косо летящий
пустой как лекало
и хлеба хотящий

И Парщиков в розовом свете
гнедой и пушистый
как дети

И Жданов на розовом танке
там в прятки играет
и в – жданки

Вверху за чертой окоема
плывет как незримый
Ерема

Носы отвернули от смердов
с Еленой прельстительной –
Кедров

Летят пространство рассекая
как тот Улисс и Навсикая

А по другую сторону каната
волнуюсь я
как в чем-то виновата

Меж калик перехожих
клак и клик –
там Бердников –
невидим и велик

А по другую сторону земли
идет косяк умов
в свое ИМЛИ

Там пьяный Блажеевский
откровенный
залез в запас
вполне прикосновенный

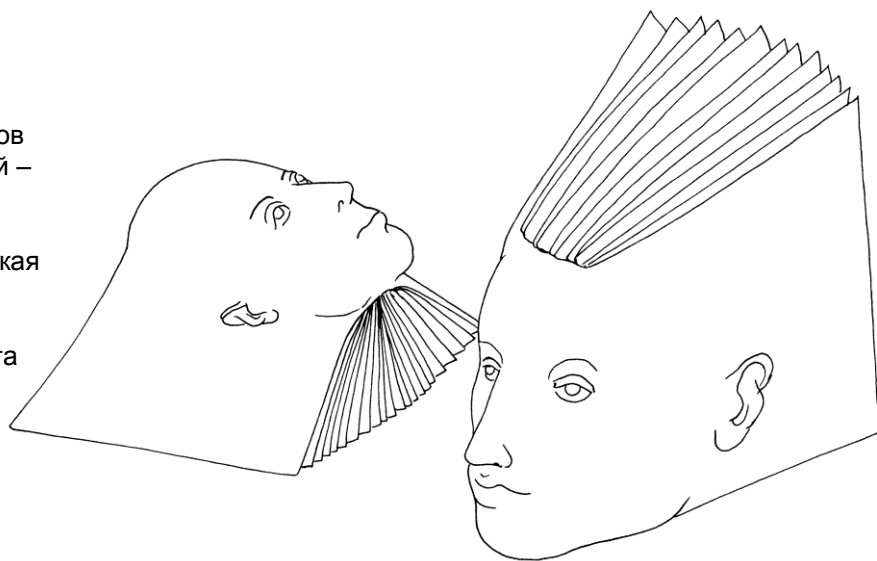
Там между делом
Вова Игнатюк
глядишь и выкинет
кундштюк

Там многих нет
там многие исчезли
там ести нет
но есть – премного чести

Литературный мир
всегда не – безусловен

А в розовых очках –
поштучно там видать
таких мой друг штуковин!

Ноябрь 2000 г. Лондон

* * *

Все то, что снизошло само,
всегда в словесности сгодится.
Золотогрудая Сафо
на солнце греет ягодицы.

И у природы на задах
и этот дол, и эти блики –
все в вечность спущено за так.
и за подол ее туники...

Рисунки Кристины Зейтунян-Белоус

Владимир Друк
Нью-Йорк, США

Ya i Yandex

Отрывок из книги "Crawler. Новые Машины"

друк, дручок, дручина, дручища, вор тамбовский, немецкий
дрык, жердина; рычаг
гнет, притуг, бастрык
www.academic.ru/misc/enc2p.nsf/byid/nt00038caa (20 кб)
строгое соответствие
строгое соответствие

владимир друк
http://teneta.rinet.ru/1998/sb_stih/angleter.htm
строгое соответствие

сапгир о друке
<http://www.rvb.ru/np/publication/01text/46/06druk.htm>
строгое соответствие

для друку!
www.propozitsiya.com/cgi-bin/main/print/print_news.pl?news=437
строгое соответствие

що жуємо, панове?
найден по ссылке

последняя репетиция

широкоформатный друк
ширина друку 1554,8 мм

фильтр эмалированный
под давлением (друк – фильтр)

фокстрот

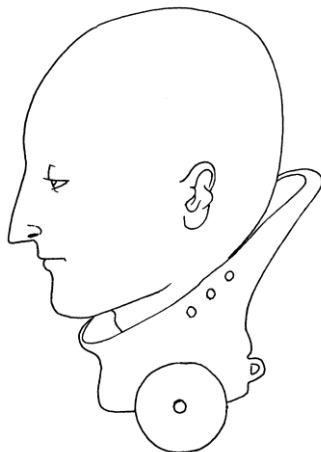
полезные страницы
друк
www.polstr.ru/ps/firmaallinfo-d.asp?adv=5011&id=&mid=5507&usl=&oldid= (16 кб)
строгое соответствие

если смотреть на небо
archiv.slovo.odessa.ua/416/8_3.html (9 кб)
строгое соответствие

друк багатого тексту
www.intersys.com.ua/manuals/interoffice/html/rd_cr_irprintable_reach.html (4 кб) 16.03.2001
строгое соответствие

... как бы :) жэлаю встретицца в реале, помыть друк друка и
чистыми вернуцца...
aw.tln.ru/archive/2783.html (1 кб) 10.05.2001
строгое соответствие...

книга - лучший друк человека...то есть, подарок
garbage.wallst.ru/cgi-bin/forum/forum.pl?board=find;action=display;num=102930098 ..
(21 кб)
строгое соответствие

**Александр
Мармеладов**
Клинцы
Брянской области

* * *

новый день
очередной
в нескончаемом сериале
календарных чисел
придуманных лишь для того
чтобы ещё больше запутать
время
и где-то на востоке
человек
открывает глаза
и получает заслуженную порцию
надежды
тепла и света.

Семен Гурарий
Мюнхен, Германия

Венеция

...жилец бронхитного купе
калякает уныния диктант
и тост заученный вполголоса
во здравицу святой покорности
произнести не смеет

...знаток разбойничьих подолов
листает нетерпенья каталог
и лихо штопает пожары
на дряхлом глобусе

...ярмарки поющая гравюра,
глотающая нечётные числа
и пену с очередей

...мания надзора теней
в прирученных переулках

...кружевная помеха
разуму

...знак тождества

...венец

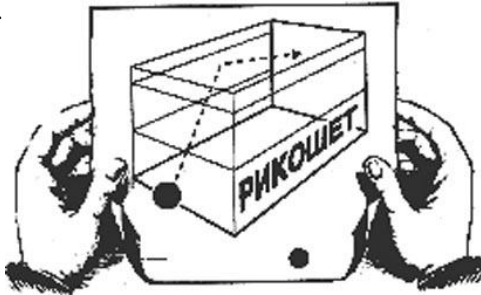
...вены

...В
...

Лев Беринский

Акко, Израиль

Предыдущий выпуск ПО был посвящен Иоганну Себастьяну Баху. Известный поэт Лев Беринский, ныне живущий в Израиле, прочитав электронную версию журнала, предложил нам свой вариант фуги из поэмы "RF und FST"

Владимир Игнатюк

(1943 – 2004)

Казань

* * *

Я выйду на фонарный круг,
он вырос, словно желтый груздь
и я тихонько покружусь,
обняв руками этот круг.

Я выйду на фанерный круг,
за ним мой спуск тяжел и крут,
так пусть несет меня и вас
мой желтый вальс,
собачий вальс...

* * *

О Господи, ты дал мне эту боль,
она прилипла мошкой на сетке,
и осязаемой становится любовь,
как мел на пальце
или след на стенке...

43 ПОРТОРЕЛЯ

FST: РЕПОРТАЖИ В КАРТИНАХ ИЗ РАЯ

(для TV с противоизлучательным фильтром)

Герр Иоганн Себастьян Бах –
сидит в саду в воздушной беседке, на вершине склона
приподняв
толстый мизинец с чашечкой кофе
и слушает свою же Musik.

ДЛЯ УТОЧНЕНИЯ ОБРАЩАТЬСЯ: TV & CHAIM KIRK¹

Герр Иоганн Себастьян Бах –

у ног Элеона²

в княжеской позе

в центре

трех прекрасных миров: розовые ветры-змирот³

слева

справа

снизу

веют

в TV-каналах и священных сефирот⁴

Б – БИНА
здоровомыслие

А – ЭЛОА
Бог

Х – ХОХМА
мудрость⁵

«КАТАСТРОФА НАЧАЛАСЬ С ОРГАНА»
(Ludwig Winder)

Горе нам, Ах⁶

С экрана вдруг опадает цветозащитный фильтр -
и вот вы уже видите:

РЕМОНТ АППАРАТУРЫ. ТОЛЬКО НА БИСМАРКШТРАССЕ: 17/138. FANNY MOOR⁷

В самом сердце
вселенской розы ветров
словно в красных
крест-накрест лентах
герр Иоганн Себастьян Бах

¹ Реклама на экране

² Здесь – не гора Елеон, а одно из каббалистических имен Бога милосердного – означает Высший.

³ Религиозные песни, гимны.

⁴ Каналы божественной энергии.

⁵ Получается БАХ.

⁶ Предугадывается беззвучно-зарифмованное имя Бах в рисунке в конце стихотворения

⁷ Реклама на экране

Перевод и дизайн Л.Беринского

Александр Чернов

ДООС – днепрозавр
Киев, Украина

Глубже и темнее с каждым годом,
как на саксофоне серебро,
по глухим подземным переходам
проникает музыка в метро.
А на «Театральной» видел сам я:
от избытка гормональных сил
дирижер подпольного ансамбля
театрально руки разводил
и сводил. Задерживались двери.
Мне казалось, что у скрипача
на плече сидел Джузеппе Верди
и рубил мелодией с плеча.
Озирался грифом однокрылым
на тотальный паспортный контроль.
Клокотала, хвойным пахла мылом
радиальных линий канифоль.

Суетой финала не испорчу.
Под сурдинку, под виолончель
в кольцевую ввинчиваюсь почву,
как Неглинка, или карусель...

Казань

Константину Кедрову

В краю молодого Аллаха,
в строю минаретных казарм,
в трех метрах от универсама
узрел неразумный хазар:
татаро-макдональдским игром
над входом горбатится «М».
В связи с тектоническим сдвигом
подземки здесь нету совсем
Возможные веси и хляби
фиксирует мартовский лед.
На пристани Федор Шаляпин
Поволжье на горло берет.
Все

ниже

и ниже,

и ниже,

и – в левое ухо вошел,
из правого вышел в Париже,
свободный французский монгол!
Удача сродни монгольфьеру,
покуда летит, а потом
в гостинице сдвинешь портьеру,
авоськой висит за бортом.
В иные эпохи лазейки
ячейки казанской сети...
Как жалко, здесь нету подземки*.
Державину в гроб не сойти.

**Вскоре после того, как поэт Александр Чернов побывал в Казани, в городе открылась подземка.*

Евгений Степанов

* * *

лицо как цель лицо как тир
безликие ликуют целью
и моногамный точно тигр
я понимаю как бесценна
моя возлюбленная мать
моей наследницы престола
и непристойно унывать
и расслабляться не пристало

22.09.2004, Чебоксары

Л.

и банальная боль и нечаянная (александр блок)
радость и мысль материальна и бог дает все что
ты хочешь и нужно уметь ждать и хочешь бери а
не хочешь что же ты лгал маленькое тело
большие глаза безоглядное сердце старый
киевский двор теплый воздух и теплые руки
спутанные планы метания взаимопонимание
неужели это еще бывает и ты не один ты не один
это (все же не это) было когда-то давно в
перепревшем манхэттене прошло не прошло я
клонировал нежность по строчке твоей
перламутровой песни а ты что же услышала ты

24.12.2005, Есенинский бульвар

*Игорь Ревякин
специально для ПО*

Прогулка вдоль обморока

Не получается. Ускользаю. Опадаю. Вот: слышу вас, Фа и Ли, еще слышу. Но незачем говорить.

Хорошо исчезать в книжном магазине, с Бахтиным в руках, с Померанцем в сумочке, с Ли и Фа за спиной.

Впереди дорога между Небом и Землей. Я уже немножко не я, а "чистый разум". И в нем отражаются звезды и тайны. И я отражаюсь, и слышу, как бьют по щекам. Пальцами веки раздвигают, вовнутрь заглядывают. Что видят?

Все залито молоком из чашки, в детстве перевернутой. Мышка бежала, хвостиком махнула, мама подолом лужу промокнула. С тех пор в голове молоко плещется, через край проливается в жизнь, где вопросов немеряно: *"Ты слышишь нас? Глаза открой! Как часто в обморок впадаешь? Где ты так долго пропадаешь? Да отвечай же..."*.

– Боже мой!

Все тише голоса, все больше молока – это кровь моя белеет, из нее уходит жизнь. Лишь сгущенный сладкий смысл остается.

– Здравствуйте, милые, ясноглазые. Какое вольное дыхание у времени.

Дихотомия смерти и жизни отпустила, и свет настольной лампы согревает ладонь, на которой лежит стеклянный шарик Мира.

Хочется конкретного. Мороз семь градусов, машина уплывает, поэт красив, и, отдаляясь, тает.

Мы едем мимо Александр – Хаоса, я вижу, что тебя в нем нет. Воскресенье. Ночь. Мне жаль, что у тебя есть более серьезные и интересные вещи, чем я.

Как интересно это! Я боюсь, что отнимаю у тебя время, когда говорю. Я в замешательстве из-за утрачиваемых привычек быть среди агрессивной среды, к которой надоело приспособливаться.

Я в замешательстве из-за разворачивающейся жизни, сияние огней ночной Москвы говорит о том, что мрак у меня в голове, раз вокруг блестит и ослепляет.

Но в голове моей плещется детство крови, разбавленной молоком. Не

хочу я пить этот напиток, с каждым невыпитым глотком детство мое продолжается.

О, как ты недоступен слуху, взгляду, ты словно собака на поводке, таком длинном, что я всегда за углом, а ты далеко, около свободы. Я держусь за поводок крепко, а разожму, и мы умрем.

Не берегись, родной, не берегись. От свободы поступать не так, а иначе – не уберечься! Но так ли, иначе – везде есть я, и на юге, и на юго-западе, по левую руку, и по правую, и в небе, и под землей – взгляд мой исподлобья вопрошает: *"Где и когда? Когда и где?"* Отвечаешь: *"Всегда"*. Отвечаешь: *"Везде"*. О чем шепчет вода в реке, леденя? Чешуя чешется от мороза, – пожаловалась рыба, высовывая голову из-под глыбы, плывущей по Нескучному саду, где я по тебе не скучаю, потому что, став гордой, набираю воздуха в грудь и взлетаю – к свободе твоего поступка. Там, где окажешься ты – встречу тебя!

Фа, я не хочу их больше видеть, я жить их жизнью не хочу. Я памятью могу обидеть. Завтра наступит сегодня, и Ли теребит: *"Ты позвонила доктору?"*.

– О, да, я ему позвоню, через тридцать минут. Он скажет, что время не ждет. И вколет иглу, и мое молоко по иголке из крови уйдет. Это будет под вечер – красное на белом, румянец на щеках.

Я улыбнусь и всем скажу: *"Привет!"* Я вновь не только слышу – отвечаю! – И, значит, долго буду быть".

О чем продолжить – чтобы не без смысла? – Продолжить надо начатую фразу про чистый разум. В нем горит печаль. Утраченная память не сомнется, она висит на плечиках в шкафу, ты выпьешь водки, и она заткнется. Как плохо разговаривать стихами, а понимать и думать что хочу.

■
табула gasa в чёрно-белую

клетку

■
буквы – разве литера

тура (или ладья)

по клеткам

прямоходящая?

■
был

ум и рая

не бу –

будто

у мира я

была

в-гостях

так бесконечно

■
пора на юг!
пора на юг!

сундук
как деревянный лучик
за-порожним опытом

ра-на-юг
ю-ань – как сад
рассаженный
на ране

юга
разбужены лягушки
пупырышками ждут

пока в траве жива трава

по-ра-на-юг!

СО – Н – М

(поэма-гадание)

I.

Чертovo колесо
обернулось вокруг оси –
вернулось сном.
Кнут и сом
сомкнуты плесом сна –
дабы осуществилось гадание
на лепестках плеска:
лесенка облаков
ведет в альков
клавиши – клады
лады – лады
У раковин крабы украли кораллы
клали краденое в ларцы

Крабы написали на дне
под копирку мрака:
«с нами соль»

II.

Когда улетела душа воды –
осталась соль
она росла
в скелетах кораблей
в костях кораллов
превращая их в витражи
соленого льна
по вечерам она
на известковых листках прилива
раскладывала пасьянс кристаллов:
рак – ракушка
моль – моллюск
в воду канет заветный ключ
ляжет крест – север
свяжет веер – высь
ковер воды
распустит по нитке водорослей
покатится озера зерно
осыплется
цветочное ветряное
колесо – веретено
где в воде рот рыб катает
зерно озер –
глубже им не дает уплыть
волнистая зебра дна
трав аквариум сварит отраву
для самой нежной из рыб:

зыбь – колыбель
от – белит
лодочку тела

Молнии затевают возню в воде –
плыть беде

III.

Дирижер цветочный
перешивает воздух на свой лад:
ЛАДит лестницу воздушных ступеней
высвобождая из движений
дождь

Колокольня возлюбленной
колышется колоколами
они ткut паутину – звон
в ней заблудился безумный
дирижер – Пигмалион
... ступени запенятся
и обступит лабиринт шелестящий
шепчущих тор – тонов
Дирижер уходит со сцены
возвращается все в тишину
лесенкой поцелуи уводят в воду

Поднимается плеск – склеп
раскрываются руки оси –
в плещущих объятьях
не видно дня
только дрожь плавников
так бреди по их краю
к раю

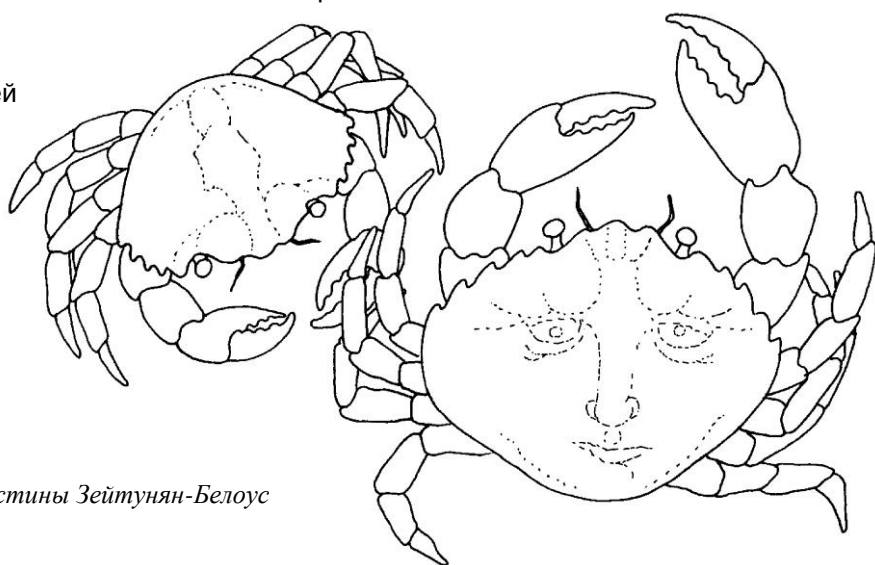

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус

Борис Колымагин

+
Ночная тень и
И ферзь, и слон
на привокзальной
площади
цепляется
и тычет в бок
локтями
за билетами
у кассы
у
прокурено
пропарено
и за полночь

а прибежит милиция:
уснувшего разбудит
фуфаечку проверит
и бровью поведет.
вразвалочку –
давай-давай
король гуляет
Николай
и пешки посторонятся
и ферзь, и слон
торопятся:
"стоянка поезда
пять минут".

Вилли Мельников

ДООС-лингвозавр

/на крито-минойском/

(оригинал, транскрипция и русский перевод)

[диариануан – эйхариуа – туахмиррэт – тэй – куорэ –
– миураххвэт – оайэ – рауриэнни – диамииу –
– нэарракт – мнэйоарн – эйфни]

Прочтение звездами собственных протуберанцев,
признающихся в любви черным дырам, всегда
спотыкается о разреженный перевод, выполненный
плотными слоями атмосферы

Юрий Милорава

*
к себе
оступился свет
и искоса массой всей сам – вот
плотью
вязкой
он
сам свет оступившись остр
о сам падая ниже

или –

на белом усталый луч

*
голос
словно пущен клавиш колесом
мерно оставляющим за собой цветы –

эту далекую гремющую
гладкую синюю линию риска
на далекой
горе

и –

невозможно поручиться
за ждущего

*
словно
уход перед столбом страниц

издалека прощая всему

в просветы слов

неверие – листает
книгу седых
и кованых крыльев
летучих мышей

Иззет ханум Меликова

Баку, Азербайджан

Я звёздный шлейф, ведущий к небесам...

Я пленник мыслей очень грустных, тёмных,
Я призрак прошлого, дух старины,
Я луч в своих воспоминаньях смутных,
Я одинокий, тусклый свет луны.
Я скован, словно хищный зверь в оковах,
Я звёздный шлейф, ведущий к небесам,
Я как Симураг* парю в твоих просторах,
Подобны звезды лишь моим глазам.
Я поутру цветок, политый ядом.
Закрыв глаза, я свет готов пройти,
Но в миг весь мир покажется мне адом,
Сама же совесть – дьявол во плоти.

Я ветерок, вечерняя прохлада,
Я нежный чанг**, волшебной арфы звон,
И устанный ковёр из листопада,
Как ангел я храню небесный трон.
Я океан, бушующий веками,
Я поднятые руки к небесам,
Я берега, омытые слезами,
Я странник в поисках тропы к мечтам.
Все это я, в моей душе копилось
Не день, нет, и не два, а годы.
О счастье на Земле всю жизнь молилась.
Да, я пленник в поисках свободы.

*Симураг - сказочная птица, обитающая на вершине горы Каф.

**Чанг – старинный музыкальный инструмент, род арфы.

Елена Сазина

Халле, Германия

реки рук
ручьев речи
многоручье
многоречье

лики

лики клики
клики склоки
смокли сникли
блики блекли
лик ковали
лик в овале

пустота пейзажа

я смотрю на себя отраженной в себе
и не знаю чье отражение я отражаю собой
и не знаю что будет что станет во мне
отражаться когда я не стану не буду сомной
мною я не
меня
мне
я

ммо

ре

ммедленно ннеммо мманнит
длиннымм ммаревомм ммо
ре вомм глинянымм томмнымм
ммелью леммом отлогимм
ломмает холммы ммолomm ммо
ре

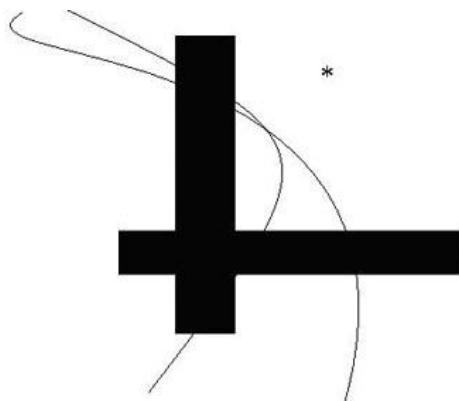
Максим Бородин

Днепропетровск, Украина

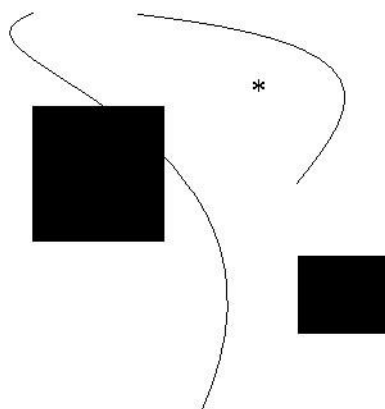
Комментарии к танцам

Фрагменты

Танец Ашу

Танец Ий

* – это парный танец. Мужчина и женщина не видят друга, не слышат друг друга, поглощенные изучением далеких облаков, наплывающих из-за горизонта и принимающих причудливые формы. Животные, деревья, дома, фигуры людей, смешиваясь с солнечными лучами, шумно ходят по крышам домов большими, тяжелыми компаниями. Они напоминают школьные каникулы... Этот танец неотменно нужно танцевать в рабочее время, на рабочем месте, в присутствии начальника. Единственная проблема – скоординировать свои действия с невидимым партнером, особенно, если вы даже не знаете с кем танцуете, с кем делите этих воздушных слонов и облачных зайцев, с кем собираетесь протанцевать всю оставшуюся после увольнения жизнь.

* - лучше всего мне помогает вода. Если нет возможности с разбега броситься в холодные линии реки, я просто принимаю душ. Выстаиваю часами... Без движения, закрыв глаза, заговаривая первые привязавшиеся фразы, я впитываю в себя силу глубоководных рыб, энергию терпящих кораблекрушение и постоянство водопроводных труб, проложенных в самое сердце... Так ежедневные проблемы отходят на второй план, так тело приобретает изначальный смысл, так душа возвращается на землю – продолжать путь – все дальше и дальше вглубь самого себя. Я танцую от радости... Я танцую от гордости за себя и за тех, кто умеет танцевать эту жестокую, прекрасную, подлую и такую необыкновенную жизнь.

Созвездие Большой Потапицы

По народной примете, детский мат в два-три счёта получают исключительно все диаматисты, начавшие играть в раскрут Эвольвенты Маркса – знаменитой Диалектической спирали. Конец её упирается в созвездия Большой Потапицы и ангидрит какого-то Скульптора Фидия, в каких ныне со спектральным анализом был найден гидроксил. Или кислый водород О-Аш. Как жизненная основа и стройматериал для всех землян – без исключения. А своё начало Эвольвента берёт с пролетарского кладбища Пер-Лашез, где захлестнулась её первая революционная закрутка. Говорят, что, томясь в парижской неволе, гастарбайтеры Маркс и Энгельс подрабатывали на Пер-Лашезе рытьём могил. А как поделочный камень на том кладбище преобладал надгробный ангидрит. Он всегда предпочитался твердолобой трухе пер-лашезскими камнерубами во главе с Роденом, ваятелем Статуй Свобод – и Ворот ада.. Те два могильщика общались с ним на ломаном пер-лашезском. Роден их считал белоручками, которых вовремя не приручили к общественно-лопатному труду. Но если безденежное положение обязывало их взяться за лопату как оружие пролетариата, он им сочувственно кивал: «Облес – облиш». И они понимающе радовались его подсказке: «Если кровавый мозоль облез, значит, ты его для дезинфекции оближь. Да, матёрая ж ты, Родя, глыба!». А «глыба» знала, что, поглощая живую воду, ангидрит вашу в перекись становится белокровным гипсом. Кого же, вразрез тому Роде, вылепили из этого белокровья российские Фидии? Девушку с ухватом, но без рук. Ростом с роденовскую Свободу, её, поди, когда-нибудь и установят в сибиряцком селе Шушенском. В пуповище России, выстрадавшей извороты марксовой крутни. Между прочим, Роден тоже собирался – руки просто не дошли! – вырубить из гипсового ангидрита эту сибирячку – Свободную Россию. А в натурщицы ему скорей всего подошла бы девочка Фанька – юная шушенка-подросток. Та, что за рублёвку в трудодень прибиралась в постоянной избушке у Ленина. «И не лень Вам, барин, – ей-бо! – енту фигню мусолить», – сокрушалась в сердцах девчунья. Обтирая пыль со стопок иностранных книг – и собирая в клетчатую доску беспорядочно раскиданные по избе фигурьки. «Шахматыги», как их не любя называла Фанька. И затем с треском доска падала с фанькиного ухвата! Ей-бо! «Барин, читаете Вы всё не по-нашенски. Все у нас кличут Вас каким-то Емиграндом. Гутарят, основатель Вы какой-то партии – Эрсдэрэпёры, и пачпорт у Вас, мол, иностраннический. А кличка-то Ваша партийная какая будет?» – «Вальтер Скотт, детонька», – надсмехался над девчуною постоялец. – «Эх, барин, чего Вам зря лысеть за фигурьками! Поохотились бы лучше в тайге на Потапыча!» – «Поохочусь ещё, Фанечка», – подзузыкивал её Лысый. И у Фаньки из рук опять выпал ухват. Но что касается Диаспиралы, она всё-таки вертится! И Вальтер Ленин прославлен как самый заядлый её защитник. Век тому назад, у речки Шуши, на спиритуальной попойке, спорил он с меньшаками-минималистами, тоже ссыльными эрсдэрэпэвцами. Те его «жаховали»: «Нас мало, да мы удалы, но вы, рубаки-большаки, лес крошите аж до щепы». И лысый «Вальтер» контратаковал: «Ваш метод проб и ошибок – шашечный тык-мык. Хотя вы, батеньки, и в шахматешки играете и ситуацию на пару ходов в ссылку наперёд видите, но вот зачем вы в очередной раз, по-детски, загоняете себя в матовый сортир, а?». Тактичные меньшаки махали рукой на идейный спор. И, нисходя через потайные ходы в задрапированную мраком историю ленинской РСДРП, вместо «Вихрей враждебных» на посюток заповали: «Спор нам ханжеский не нужен. Пусть булыжник – жутковат. Пролетариев оружие поубойней – жак и мат. Чита-дрита, шито-крыто, три-татушки, три-тата. Мы загадку шахматка не постигнем никогда. Как в клещах, сидя в цугцванге, попадаем мы в цейтнот. Нету времени для пьянки, нет его и для рыгот. Быть победе за бедою. И чтоб избежать мандраж, не разбавим мы водою наш «Цэ» два «Аш» пять «О» «Аш». И пройдя, как пить дать, в дамки – в ходокоских зипунах, полю Маркса скажем: «Данке», – подкрепляя матом жак. Ситуевина понятна всем, кто вляпался в неё. Нет нам ходу на попятный, взявши в руки шахматё. В общем, хватит тыкать-мыкать, раз дотронулся – ходи. Ведь, земляне-горемыки, во Вселенной мы одни. Шахматыки – это блики в мировой игре теней. В мире, где несчастны крики матерящихся детей, что есть хуже грязной речи малолетних дошколят? Метит шельму Бог и мечет жребий тем, кто с Ним шалит. В «Диалектике природы» оказался Энгельс – швах, предсказав, что все народы – от коммуны в двух ходах. Только в первый раз так грозны, раздражены, как фарш, а затем все катастрофы повторяются как фарс. И продавши первородство, чтоб нахрюкаться в умат, диалектика уродства получила детский мат. В историческом «сортيره» мы вчера, Шальной народ, перед пропастью застыли. Нынче сделан шаг вперёд! Коммунальною зарёю на Москве горит с тех пор, лет застоя под ордою, Тохтамышевский костёр. И себя дав окопачить, двинул, – мол, облес оближ! – как в баллистику Кибальчич, в матюгалы – Кибальчиш. Как его ни мотивируй, он чуть что – так сразу в плач. И берётся за мортиру, за мотыгу и пугач. Он берётся за мачето, чтоб мочить со всех сторон. Есть народная примета, снапс – отличный мочегон! Вызывая в бонзах корчи, как кошмарище ночной, из себя чего-то корчил, родину черня, Корчной. «От Корчных защита есть ли, как от язвы моровой?» – корчившись в каталке-кресле, Ленин вопрошал больной. Горевал он, шаханувшись, сотню лет тому назад, вспоминая о грядущем, – мол, какой без жаха мат! Шушенку он кликнул: «Фаня! Я большой корчую план. Только, знаешь, твой папаня носит кличку не «Каплан?»» Позже в роли Айболита инвалид плясал канкан, заявляя: «Есть защита! По прозванью – Каро-Кан. Никого не защищая, кого надо защищать, Каро-Кан – это крутая для врагов ядрена жать!» Это пел канканый Ленин в фильме «Вальтер в кобуре». Там в игре до ошалений конь шагает буквой «Г». И в бескровной заварушке на дворцовом решете фишкою застрял братишка, – быть затем Большой беде! Там, вдоль линий Маннергейма до Разлива в шалашах, на высотах офигейных нам объявят Вечный шах. Спирт гнилей воды Сиваша усмиряет нас опять, и летит к нам ворон-пташа наши бренности ашать. А упрямые шашисты, как ваксёновский Г.О., рады, что побили в жизни хлипких «интеллиго». Пляшет Ленин в «Чите-дрите». Его мает нервный тик. В чём виной – самомучитель по игралочке в тык-мык*.

*Был когда-то, перед самой ВОВ, снят фантазмагорический кинофильм «Доктор Айболит», где исполнитель ролей Ленина – Штраух, вроде воскресшего Лазаря, отплясывал трепака, а его пациенты-зверушки верноподданно пели: «Чита-дритта. Чита-дрита. Чита-дритта. Дрита-та. Мы родного Айболита не покинем никогда».

Александр Бубнов
 доктор филологических наук
 ДООС – палиндрозавр

ЧАША

(опыт песни с кругозвучиями)

Чаша Веры полна Света и Величия, Она,
 даже брошенная кем-то НА ПОЛ – НАПОЛНАПОЛНА – ПОЛНА!

Чаша чувствует все мысли. Чашу эту, может быть,
 вам придется, даже если СПИТЕ – СПИТЕСПИТЬИСПИТЬ – ИСПИТЬ!

Бас - (3струна) - (1+2струны) - (3 струна) - Бас - (...) Am - Am+5 - Am - Am+5

Чаша Веры полна Света и Величия, о_на, да_же брошенная

Гm E B+7 E A7 Dm B+7 E A7 Dm Am

кем-_то на пол,наполнаполна- полна, на пол,наполнаполна- полна.

Чаша, данная нам свыше... Каждому дана Она.
 Честно Чашу эту выпить
 НАДО – НАДОНАДАНА – ДАНА!
 НАДО! ДА! НАДОДНАДОДНА – ДО ДНА!

Чаша Веры – это мера, вес Она, весы Она.
 Даже брошенная кем-то НА ПОЛ – НАПОЛНАПОЛНА – ПОЛНА!

Петр Овчинников

Лунный свет

Вердикт Евангелия то.
 Вот кину лики Лун и дев –
 Един, улики Лун, и – кто?
 Вот я и лег на ветки древ...

Не лис от плоти и не вид
 животного. Бог? Он то в
 иждивении толп, то силен.

Я и ты берем опыты по мере
 бытия.

И их рано манит на престоле
 пепел от серпантина монархии.

Амуры – духи иволг, лови их у
 дыр ума.

Рубаи

Дар вина

У нив дар я тяну,
 Себя, жару клянусь.
 Унял кураж я, бес.
 Унят, я рад вину.

Гала

Посвящается Акаси

И, ладно, корабли,
 Ее ли сон вдали,
 И лад вносил ее,
 Ил барок, он, Дали.

Примечание

Александр Бубнов защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертацию, посвященную русскому палиндрому. Среди многих разновидностей палиндромического стиха все большую роль играют нотные палиндромы (в музыке они называются «ракоходы»). Бубнов использует также прием, названный Андреем Вознесенским «кругомёт». Петр Овчинников создает палиндромы различных форм, в том числе палиндромические рубаи.

Ольга Адрова

Вся правда о лошади

(материнское наставление для БГ)

Лошадь быстрее бежит
От тени кнута,
Эту новость ко мне
Ты принёс со двора.
Видел ли ты лошадь вообще,
Хочу я тебе сказать,
Настоящую лошадь
Пытался ли наказать?
Лошадь кладёт с прибором
На тень кнута, –
И так хорошо бежит
Без него она.
А если покажешь ей
Только тень кнута,
То скосит глаза,
И копытом тебя доста...!

Рисунок Кристины Зейтулян-Белюс

Пригов

Дмитрий Александрович

Что в память скудную запало? –
Мышей и крыс ночные тушки
Венеция вдоль своих каналов
Развешенная для просушки
Далеких голосов глиссандо
И Сильвии лик оливковый
При поминании Алессандро
Мгновенно, словно белой ватой
Некой
Укутываемый

В деревьях плачет Васудева
В воде играет крупный сом
Ты говоришь: Разве не диво
Как все здесь ходит колесом
Превращений? –
Я огладевшись отвечаю:
Конечно, но уж и не чаю
Когда все это кончится
Не на нас ли?

Я видел замок за прудом
С надвратным львом, пространством сжатым
Там рота целая с сержантом
Жила, я им махал рукой
По берегу противолежащему
Прогуливаясь, лев изящною
Головою
Кивал в ответ

Однажды поздней весной
Я с кем-то говорил о счастье
Добившись некоего участия
Вдруг обнаружил, что с лесною
Огромной тварью несусветной
Беседую – мне было это
Уроком

Лестница

1.

Любовь

Вы раб,
Вы червь,
Вы зверь,
Вы бог.

2.

Страсть

Ты бог,
Ты зверь,
Ты червь,
Ты раб.

3.

К смерти

Что нам с тобою тут –
Дела на пять минут,

Господу дела чуть –
Три пуговицы расстегнуть

Только: глаза да рот,
Да место, что нам не врёт.

4.

К обществу

Всегда виноват
Кто-то другой:
С хвостом,
С рогами.
Стихами.
С мозгами...

Анатолий Кудрявицкий

Дублин, Ирландия

Псевдоалюминий и большие планы

Чем больше дом
тем меньше человек в нем живущий

то же с дьяволом –
вытеснял, бывало, хозяев из хибарки
в небоскребах же
умещается в табакерке

роль дьявола явно сходит на нет
его помет
однако
все еще густо лежит
на пустырях

студентов посылают
изучать эту красную глину
высокой науки храм
учуял в ней
псевдоалюминий
сырье для сверхбыстрых бомбардировщиков
и портретных рам

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус

На языке клавиш

Я говорю Молли Макклоски:
все коты понимают по-русски
в мире по Жан-Поль Сартру

в некоем же ином мире
и нам ведомо нечто полосатое

хорошие наивные люди
перекладывают это на язык клавиш
работают над ошибками
размечают ошметки

отвечая на вопрос
почему стихи – не проза
а хи-хи угроза
логично перейти на диалект
когтистых лапок и лексику
остреньких зубов

если вообще хоть что-нибудь логично
и головоплечно
в рыжем голубоглазом мире
котов
и «будь готов – всегда готов!»

17 ноября 2005 г. в Зале Ирландских Поэтов в Дублине прошла презентация книги английских стихов Анатолия Кудрявицкого «Тени времени», выпущенной ирландским издательством «Гослдсмит Пресс». Книга вошла в шорт-лист международной поэтической премии им. Роберта Грейвза.

Света Литвак

* * *

и розгой секли и в пучину ввергали и
ругали же их и предостерегали их
цикады трещали над ними секомыми
пали их жарой и садни насекомыми
куполюдная лупоглавая
семечки-чесмены

влачились полями одними свекольными
к Москве подступая путями окольными
жирносольная хлебожадная
кума-якиманка

как будто в столице воздастся им благами
ютится надежда всегда с бедолагами
простовласая стенобитая
кинешмы-мнишки

всё время желали напитков и кушаний
крутых кипятков и баранок насушенных
солёных грибов и капусты заквашенной
ну, где же Москва, покажи, где Москва же, ну
прежнебрежная грязноснежная
женщина-сенеж

исполнены веры, украшены доблестью
подвержены страсти, идут за верстой версту
крутоперсая кольцеперстая
рдищево-дурища

не плачь, не рыдай, с ними не разговаривай
горючие слёзы смывает Москва-рекой
вертоглазая златовратая
витюрли-лютивли

Поэзия Великобритании – явление весьма своеобразное. Культурные и исторические различия между Англией, Шотландией и Уэльсом всегда были велики, да и в поэзии традиции совершенно разные. Поэты, однако, часто меняют место жительства, производя этим некий обмен поэтическим воздухом. Недавно умерший знаменитый поэт-лауреат Тед Хьюз, рожденный в Йоркшире, обучался в Кембридже и потом жил во многих городах, включая Лондон. Еще один поэт старшего поколения, «странствующий профессор» английского языка Деннис Энрайт, свои последние годы проведший в английской столице, до этого жил и работал в Японии. Уроженка Лондона поэтесса Кэрол Раменс провела несколько лет в Белфасте, а в последнее время перебралась в Уэльс, валлийская же поэтесса Фиона Сэмсон поселилась в Оксфорде, где она редактирует авторитетный критический журнал «Поэтическое обозрение». В Кембридже живет рожденная в Лондоне поэтесса голландско-украинского происхождения Джоан Лимберг. Шотландские поэты Джеки Кэй и Уильям Херберт живут в Англии и пишут по-английски. Поэтесса Энн Стивенсон, рожденная в Америке, долгие годы провела на севере Англии, в графстве Дарэм. Много странствовал по свету и уроженец Ланкашира поэт и редактор журнала «Поэзия в переводе» Дэвид Константайн. И только рожденная в Белфасте поэтесса Мэйв Макгакиан так и живет в Северной Ирландии. Ее мистические стихи – в основе своей ирландские, кельтские.

Специально для ПО переводчик
Анатолий Кудрявицкий

Фиона Сэмсон

Философия любви

В Зале Зеркал
существо находит существо. Раз за разом.
В золоченой клетке отражений
бешено шелестят слова.
В золотых рамах
репродукции накладываются друг на друга,
движение одной посылает другую
в противоположную сторону.
Тем временем наша речь неясно шелестит:
разговаривая, мы рожаем хор отзвуков
себя. Наших ипостасей. Их рты
беззвучно раскрываются где-то за стеклом.
Когда мы видим это,
в нас рождается протест,
как будто они – или мы –
в чем-то виноваты.

Мэйв Макгакиан

У верховьев реки

Подобно черному дрозду, крадущему драгоценности,
Лунный убийца подходит, когда я паркуюсь
У верховьев реки, изогнувшейся во сне.

Что случится, если змея
Ускользнет из стеклянной теплицы –
Медовая зола быстрого потока?

Нас обязательно заметят в воде.
Ночи бывают разными.
Также и плавания.

Теперь – в лучшем отеле

У весны было, кажется, больше, чем обычно,
хорошей погоды. Целебная весна!
Крепкие сигнальные цветы, за которыми
я так любила наблюдать, не прерывая течения времени,
вбирали в себя спелость будущего,
что говорит настоящему: «Уже скоро!»

Моя прическа, подобная строящемуся дому,
напомнила мне, насколько я привыкла
поддерживаться в себе жизнь.
Этот дом столь совершенен, что двери
уменьшаются, зарастают сверху,
а окна показывают прошлое.

Рисунки Кристины
Зейтунян-Белоус

Короткая история

Подрагивание крылышек. Разбившаяся птица
ничего не видит. Это – как головой об стенку,
в теле – от крыльев до хвоста –
взрывается пульс, комок черных перьев
отчаянно царапается, толкается,
борется против боли.

Потом поднимаешь птицу, и видишь:
глаза ее мутны, будто поддались
твоей собственной слабости. Неподвижный натюрморт
раскрывается, как окно, чтобы явить
сморщенный желтый шелк век, пятно крови на клюве.
Расправь птице крылья, скажи «прости» –
и отпусти.

Джоанн Лимберг

Подготовительный период

Мы еще не люди, но пытаемся ими стать.
Делаем записи, посещаем семинары,
проходим курс внушения. Может понадобится
операция, чтобы распрямить наши сугубые

загибы и завихрения. Порой это больно –
приходится терпеть, чтобы стать человеком.
Иногда мы плачем в подушку,
но, пожалуйста, не придавайте этому значения:

наши слезы – не в счет. Мы еще не настолько люди,
чтобы убедить арбитров,
что мы не обезьяны и не манекены.
Когда они наконец в этом уверятся,

нас выпустят жить среди себе подобных,
пожимать руки, гулять с колясками,
пить кока-колу, делать все то,
что каждый день делают все.

Комета

Бедняжка,
тебе не довелось стать одной из планет;
ты описываешь круги вокруг них,
а они тобой пренебрегают.

Ты похожа на сперматозоид,
преследующий яйцеклетку.
В твоём белом огне
есть что-то отчаянное,

он жгуч как желание
в бессонных телах,
которым некому излить свою печаль,
кроме случайной кометы.

Уильям Херберт

Азбука воображения

Венеция выдыхает голоса
в холодный шепот дождя – это

вздохи, порции древнего воздуха,
замкнутые в пузыри – ледяные соты

севера. «Я пришла с вересковых нагорий
Шотландии», – тяжело дышит бутылка

неизвестного виски, только покинувшая
витрину с оливковым маслом «Данте».

Мы идем по следу дождевых капель
через мост, мимо узкоплечего

мальчика-мороженщика.
По этим приметам

можно следить за нашими передвижениями,
словно по дорожке от пальца

на затуманенном дыханьем стекле.
Вечером мы следуем за метрдотелем

мимо будки гравера.
Фигурка в окошке шепчет:

«Я тот, кто зажигает фонари».
Прошлой зимою метрдотель удил рыбу в лагуне.

В ресторане он ведет нас
по завиткам сдобного кренделя,

что обмакнули в красное вино.
Они превращаются в завитки розы,

нет, улитки, и раковина ее
своим цветом смущает дрозда.

Непонятная лошадь

Лошадь глядит на море,
стоя в грязи посреди поля
близ Абердина, Я вижу ее
из окна поезда, идущего в Данди.
Она неподвижна все время,
пока видна мне (не более минуты).
Это маленькая гнедая лошадка,
может быть, даже пони.
Море спокойно. Лошадка
похожа на старого рыбака
или даже на старую рыбу.
Непонятно, способна ли она
двигаться. Непонятно,
над чем она задумалась.
Это непонятная лошадь.

Деннис Джозеф Энрайт**Свобода творчества**

Освобожденный
От опеки всякой,
Что станешь ты писать?

Один лишь злобу источает,
Точимый невезения червем,
Светильника неумолимым угасаньем,

Другой творит,
Страдая от отсутствия досуга
Иль потому, что потерял

Свободу, третий –
Чтоб пустоту в душе
Заполнить чем-то сущим.

Поэзию питает лишь
Горячее, окислившееся от неудач.
Ведь движущая сила ее –
Бессилье.

Утро, начало девятого

Ну, побежали...
М-да, в такие времена
Быть лучше Богом, а не Человеком.

Тебя не мучит жажда,
Пока не высохли ключи.
Тебе не нужен коп,
Пока не попадешь ты в переделку.

Бог может уксус превратить в вино,
Уздами гвозди завязать, наслать
Землетрясение, тьму египетскую иль потоп –
И смыть с лица земли живые все создания,
За исключением тех немногих,
Что возвышаются над миром,
Подобные крестам.

Так что же, побежали? Нет,
Вчера скончался компаньон мой.
(Целительница Смерть!)
Я должен мужественным быть, как Человек –
Ведь таковы условия контракта.

Джеки Кэй**Всё не так**

*Сегодня всё (а не только кое-что) идет не так.
У машины спустило колесо, и в город не попасть вовек.*

*Обе лампы в спальне перегорают одновременно.
На кухне пожелтел потолок, будто поработал маляр безымянный.*

*Кровать покосилась, простыни рвутся под прохот грома.
Соседские собаки лают так, что дрожит оконная рама.*

*Черт бы их взял! Покамест я беру из холодильника пиво.
Мышь трусит по полу мой страх. Даю слово,*

*он именно движется, причем быстро. Странно все это,
с самого начала. Я бледнею,*

*спрашиваю себя: так оно и бывает?
Одиночество, грусть... И подушку с силой взбиваю.*

Моментальный снимок

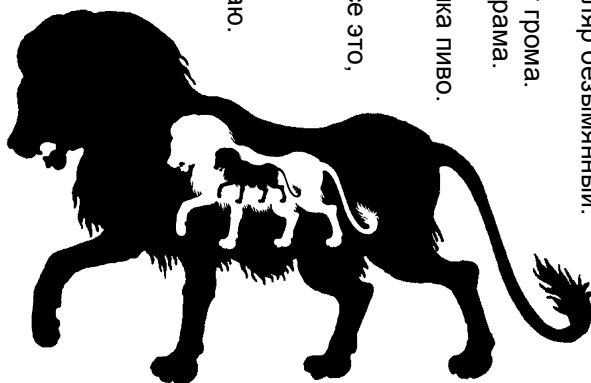
*При этом свете губы твои раскрываются,
как алый цветок, волосы твои источают искорки.*

*Наша любовь всегда сопровождалась чем-то странным.
Мы видим приближающихся оленей, они танцуют
в красном сиянии высоко над городом.*

Мы произносим одно и то же слово.

*При этом свете кладбище волнуется красиво.
Золотые деревья, подобно сторожевым псам,
охраняют надгробия. Мы говорим друг другу:
неплохо бы покоиться здесь.*

*Нас прерывает сова, что танет свою монотонную песнь,
сидя на одетой в перчатку руке какого-то ирландца.*

Дэвид Константайн**Поэт в поисках сравнения**

Но более всего похожа ты
 На беззащитные рулады птиц,
 Которых поглотил
 Рассвет, сиянием их окутал –
 И прослезилось небо, услышав
 Прозрачные их голоса,
 И замерла природа, словно ожидая
 Конец привычного нам мира –
 Иль начало...

Кэрол Раменс**Зигдатель границ**

Явился он на Землю и сказал:
 – Не завершён процесс творенья! –
 И сотворил границы. О, из плоти из моей
 Слепил он кирпичи, затем изрек:
 – Чем был бы мир без этих загоронок?
 И вот, гляжу, ко мне он тянет руку.
 – Ты кто? – интересуется. –
 Где документ твой,
 Паспорт или метрика?
 Да и потом, на чьей ты стороне?
 Вот звездные колючие сплетенья он распутал
 И Землю обернул. Стене дал уши и глаза.
 И вопрошает: – Род занятий?
 Где вид на жительство? Зачем татуировка?
 А главное, какого цвета ты,
 Какого цвета? Ах, не знаешь?
 Это плохо. Очень плохо.
 Он взял мой паспорт – тот, что дан природой,
 И наколот на проволоку.
 О ладонь моя, пронзенная ладонь!
 – Ведь здесь граница, – рек он, –
 А границы обожают кровь. Теперь ответишь, полагаю,
 На чьей ты стороне?

Разыменованье

Имя отшелушилось с меня – оно и не было моим.
 Лицо мое – детское, испуганное –
 Ворует чужие черты, ибо ему так велено.
 Заберите их, куда время нисходит безропотно –
 В историю. Ночью, когда это было,
 Моя рваная паутинка с угольно-черным паучком
 Вскрикнула, но я кричала громче:
 Не думай, что понимаешь, как это бывает,
 Приспособленец, пока не попал
 Сюда, на полюс холода, точно зная,
 Что день твой приходил и больше не вернется.

Остров любопытных

Я просыпаюсь. И она не спит. Я плачу.
 Известно ей: оплакиваю Остров Любопытных,
 Что предо мной как наяву:
 Стена дождя
 Невиданного, молнии, что в ключья рвут
 Иссиня-адское, сквозное небо...

Я просыпаюсь, но и здесь, в спокойствии дневном,
 Еще ревет неуголненный ветер,
 Бурунами сокрушены преграды –
 И море смертоносное преобладает,
 Как победитель, получает всё.

Энн Стивенсон**Развод**

В манере Гертруды Стайн

Я есть я – ведь щенок мой знает меня.
 Мы есть мы – ведь щенок наш знает нас.

Я есть я, но щенок мой знает тебя.
 Ты есть ты, но щенок твой знает меня.

Я есть я. Ты есть ты.
 Бедный щенок! Бедный щенок!

Незавершенное

...Идея события – горизонталь,
 идея личности – вертикаль.
 Литература начинается
 с идеи их перекрещения.

Мировой разум –
 неоглядное поле, усеянное крестами.
 Мы пробираемся по этому кладбищу,
 оглашая имена и истории.

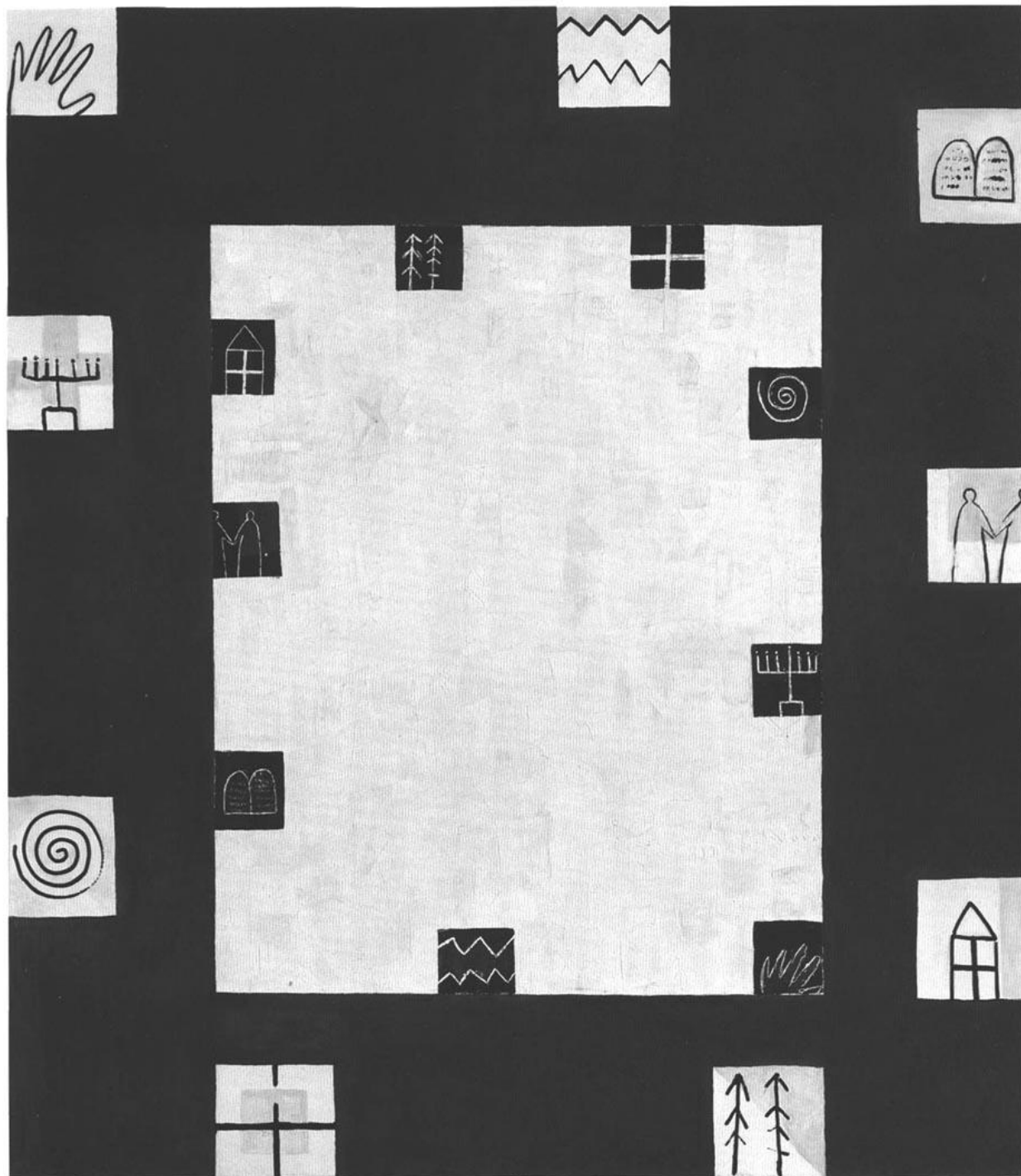
Порою история
 известна заранее,
 известно и как ее следует рассказывать.

Порой же событие
 принесено в жертву
 вымыслу о том, как оно происходило...

Игорь Ганиковский
Оденталь, Германия

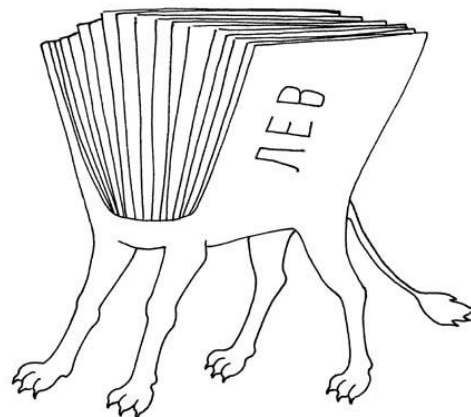
Трансформация

Холст, масло.
200x120. 1995

ПРОЗА, КОНЬ И ДВЕ СОБАКИ

Если русская проза способна на любовь, то только на любовь к человеку. Русская проза любит человека патологически. Русская проза верна человеку навсегда. Русская проза антропоцентрична в предельной степени и никого, кроме человека, замечать не хочет. Даже лучших друзей человека – животных. Животные в русской прозе – счастливое исключение. Но и у счастливых исключений в русской прозе довольно трудная судьба. С ними поступают неполицорректно; их бьют, кастрируют и топят. Но животным не повезло не только в русской прозе – им вообще не повезло в русской культуре. Животных мало даже в русской живописи; кроме медведей Шишкина и вспомнить некого. Русский пейзаж прекрасно смотрится и без животных. Так что проза – не исключение, но факт остаётся фактом; кошки, собачки, птички и вся остальная фауна так и не нашла в русской прозе своих Джека Лондона и Чарльза Даррела; Аксаков, Пришвин и Бианки слишком иллюстративны.

Счёт фауны с русской прозой, естественно, не в пользу фауны. Из трёх самых заметных животных русской прозы – одного коня и двух собак – уцелело только одно. Конь Холстомер погиб. Собака Муму погибла. Выжила только собака Каштанка. В русской прозе действительно «не валялся конь» и на самом деле «с собаками вход запрещён». Если бы не две собаки и один конь, русскую прозу можно было назвать безнадёжным царством человека.

Если поверить индуисткой или буддистской религии, то за такое презрение к фауне придётся жестоко заплатить. В следующем воплощении русские писатели и персонажи русской прозы сами стали животными.

Пушкин стал уссурийским тигром. Его занесли в «Красную книгу». Его громко защищает «Гринпис». Но всё напрасно – уссурийского тигра так же безжалостно уничтожают. Пушкину спасения нет. Дубровский превратился в бегемота в московском зоопарке. У него хороший характер и скромное поведение; он – общий любимец. Любимец детей. Любимец обслуживающего персонала. Только жрёт много, а тут ещё дети почём зря кормят его разными сладостями. Иногда догадывается, что в прошлой жизни был одним из ведущих персонажей русской литературы – тогда он всю ночь беспокойно ворочается с боку на бок. Лермонтов стал вороной и живёт во дворе высотного дома на Котельнической набережной. Каркает редко, но громко. Очень любит каркать с утра. Печорин – воробей в Бибирево. Чирикает постоянно, но тихо. Хотя много чирикать ему не дают; в Бибирево особенно не расчирикаешься. Не тот район. Княжна Мэри – пони и работает на Арбате. Дети от неё в восторге.

Дети с ней не слезают. Но взрослым она тоже нравится. Взрослые на ней катаются тоже. А княжна Мэри это тяжело. Она – всё-таки пони, а не настоящая лошадь! Большой вес ей держать трудно. Поэтому после работы у неё часто болят спина и ноги. Грушницкий стал жабой и живёт в Подмоскovie в торфяном болоте. Гоголь стал кондором. Летает над Андами и зорко смотрит вокруг. Но мяса не ест; Гоголь – единственный на все Анды кондор-вегетарианец. Другие кондоры относятся к нему с уважением, но держат за придурка. Чичиков стал рыбой-мутантом и плавает в Каме. Голова у него как у осетра, а хвост как у толстолобика. О том, что раньше был Чичиковым, знает – поэтому постоянно портит рыбакам сети. Тарас Бульба – конь. Работает в конной милиции. Обслуживает футбольные матчи. Фанаты «Спартак» кидают в него пивные бутылки, а фанаты «ЦСКА» дважды поджигали ему хвост. Но он не обижается и службой доволен; служба до сих пор кажется ему романтической. Хочет написать роман о жизни конной милиции. Башмачкин – червяк. Где ползает, – неизвестно. Достоевский – горный козёл на Кавказе. Крайне неряшлив; никогда не убирает за собой дерьмо и другой мусор. Жены и детей нет. Постоянно пристаёт с длинными разговорами о смысле жизни к другим горным козлам и мешает им жить. Другие горные козлы от него бегают и откровенно его боятся. Для них встреча с Достоевским – плохая примета. Охотники его боятся тоже. Раскольников стал дворнягой и живёт на улице возле метро «Тульская». Питается чем попало, спит где придётся, выглядит плохо, но на окружающих зла не держит. Характер у него славный. Часто помогает советом и добрым словом другим дворнякам. Сонечка Мармеладова – породистая кошечка в доме «нового русского». Очень сексуальная. Часто лезет под одеяло к хозяевам и лижет им гениталии. На улицу её не пускают, – от улицы её берегут. Но она очень хочет на улицу и, кажется, скоро всё-таки туда вырвется. Свидригайлов стал котом. Живёт у старушки на окраине Химок. Целыми днями лежит на батарее и ничего не делает. Не хочет даже мяукать. Хозяйку свою презирает, а она его любит. Очень любит! Кормит только свежей рыбой. Хозяйка догадывается, что когда-то он был не последним персонажем в русской литературе. Настасья Филипповна – пантера. Недавно изнасиловала гепарда. За это её едва не выгнали из джунглей. Рогожин – тоже кот. Живёт при церкви. Очень религиозен. Ходит к заутрене, соблюдает посты и царапает атеистов. Царапает и евреев, но к православным евреям относится хорошо. И князь Мышкин тоже кот. Живёт под прилавком на Киевском рынке. Не любит торгующих за соседним прилавком корейцев; корейцы постоянно дёргают его за хвост. Очень агрессивен и политизирован; ловит не только мышей, крыс и голубей, но и собак карликовых пород. Поклонник Зюганова и советского социализма. К Западу относится крайне негативно и к «Китекэту» не прикоснётся, даже если его поставят перед выбором: или «Китекэт», или он больше не увидит ни одной кошки плюс корейцы оторвут ему хвост. Князь Мышкин готов на жертвы. Пусть он больше не увидит ни одной кошки! Пусть корейцы отрывают ему хвост! Но к «Китекэту» он всё равно не прикоснётся. На выборах будет агитировать за коммунистов и сам собирается вступить в коммунистическую партию. О том, что раньше был князем Мышкиным в романе Достоевского, знает, но совершенно об этом не жалеет; быть агрессивным политизированным котом на Киевском рынке ему нравится больше, чем идиотом в русской прозе. Иван Карамазов стал крысой. Живёт в подвале ночного клуба и обожает пугать стриптизёрш. Стриптизёрши визжат и падают в обморок, но Иван считает, что раз он – крыса, то теперь ему уже всё позволено, – и прежде всего доводить до обморока

стриптизёрш. Алёша Карамазов – обезьяна. Живёт в Индии. Красиво ловит на лету орехи и удивительно похоже изображает человека. Вечерами уходит от других обезьян и долго смотрит на небо. В качестве обезьяны чувствует себя неудобно; часто о чём-то тоскует, а о чём – и сам не понимает. Дмитрий Карамазов – вонючий мерзкий крот где-то в лесах под Вязьмой. Постоянно задирает других кротов. Фёдор Карамазов – змея. Не ядовитая, но на вид не менее противная, чем ядовитая. Смердяков – волк. Маленький, облезлый, воняющий мухомором, но волк. На луну воет, но во всем остальном ведёт себя прилично. Грушенька, как и Грушницкий, жаба в торфяном болоте. Делает много гадостей другим жабам и вообще всем обитателям болота. Ставрогин – курица на птицеферме под Рязанью; курица – гермафродит. Признаков курицы у него больше, но есть некоторые чётко выраженные признаки петуха. Поэтому другие курицы его презирают и клюют. Петухи его тоже презирают и тоже клюют. А больше других его клюёт Верховенский, который стал петухом и живёт на той же птицеферме. Капитан Лебядкин – осёл и перевозит по тайным горным тропам лёгкое стрелковое оружие из Чечни в Дагестан. Лев Толстой, как и княжна Мэри, работает на Арбате. Но только питоном. Дети обожают с ним фотографироваться. Взрослые его боятся. А дети не боятся. Дети прекрасно знают, что он – добрый. Иногда Лев Толстой бывает в плохом настроении, хочет всё бросить и куда-нибудь уползти прочь, но плохое настроение у него быстро проходит, и он снова нормально работает. Наташа Ростова – свинья. Обычная такая покладистая, щетинистая, упитанная свинья с самым обычным тупым свиным рылом. Исправно даёт приплод. Ничем, в общем, не выделяется среди других свиней. Пьер Безухов – баран. Тоже ничем особенным похвастаться не может; такой же упрямый и глупый, как и все бараны. Как и все бараны, может часами смотреть в одну точку. Андрей Болконский – козёл; но не горный, как Достоевский, а самый обычный деревенский. Целыми днями скачет, блеет, трясёт бородкой, ест всё подряд и абсолютно всем доволен. Катюша Маслова — корова в Нечерноземье. Мычит редко; в основном молчит. Молока даёт мало, и хозяева хотят ее забить на мясо. Анна Каренина стала кроликом и ни о чём не жалеет. Адепт капусты. Каренин – заяц и тоже ни о чём не жалеет. Адепт морковки. Вронский стал лисицей и часто отнимает у Каренина морковку. Каренину это больно. Для Каренина морковка не просто еда, а смысл жизни. Вронскому морковка даром не нужна; лисицы морковку не едят. Просто Вронскому приятно делать Каренину больно. Вронскому это нравится. А Каренин пока терпит, но когда-нибудь крепко врежет Вронскому всё той же морковкой. Гончаров – коза в Архангельской области. Хозяева его доят и требуют, чтобы он давал молоко, по вкусу и качеству не уступающее молоку коровы. А Гончаров такое молоко давать не может. Он – всё-таки коза, а не корова! И молоко у него, кстати, довольно приличное. Но хозяева мечтают о корове. Но на корову у хозяев нет денег. Поэтому хозяева Гончарова бьют и мучают. Гончаров бесится, Гончаров страдает, но дать коровьего молока при всём своём желании не может. Он может дать только козье молоко. Он – именно ведь коза, а никакая не корова! Обломов – лось. Угрюмый тяжёлый лось. Такой же угрюмый и тяжёлый, как и в предыдущей жизни, когда он был персонажем русской прозы. Тургенев стал летучей мышью и живёт в заброшенной деревне. Вид у него страшный, характер – скверный, и крыльями он машет тоже противно, но испугать он никого не может, так как в деревне больше никого нет. Пугает он только Базарова, который стал лягушкой и живёт в пруду недалеко от той же деревни. Чехов – немецкая овчарка и по ночам охраняет банк в центре Москвы. Лает на бомжей и случайных ночных прохожих. Наиболее интересная судьба у Гаева и Раневской. Они вписали достойную страницу в историю советского космоса. Они стали собаками Белкой и Стрелкой и успели слетать в космос даже раньше Гагарина. Между самими Белкой и Стрелкой отношения не сложились, и космос им не понравился, – от космоса у них рябило в глазах, – но космосу они зато дали много. После реинкарнации русские писатели и персонажи русской прозы смогут узнать, как живётся тем, с кем они так плохо обращались и кого безоговорочно предпочитали человеку. Но, даже став животными, персонажи русской прозы и русские писатели всё равно останутся персонажами и писателями. Поэтому с животными надо обращаться бережно. Ткнёшь ногой какую-нибудь Жучку или Шарика, – а ведь это могут быть совсем не Жучка и не Шарик. Это могут быть страницы из золотого запаса русской литературы.

Марина Герцовская (Берлин, Германия). Композиция из проекта «ВДНХ».

Александр Моцар
Киев, Украина

Из глубины молчания

СОДЕРЖАНИЕ

1 – Хроника событий
2-3 – Н. Фатеева
4-5 – К. Кедров
6 – А. Вознесенский,
М.Деги
7 – Е. Кацюба
8 – Сунь Юэ
9 – М. Бузник, Б. Лежен
10 – В. Рабинович,
С. Бирюков
11 – А. Ткаченко
12 – А. Парщиков
13-14 – В. Нарбикова,
В.Письменная
15 – К. Зейтунян-Белоус,
Г. Виноградов,
И.Чудасов

16 – Л. Блинов,
А. Альчук
17 – А. Врядий
18 – М. Аль, Д. Зимин
19 – Ю. Арабов,
В. Ломейко
20 – Я. Карро, К.Сапгир
21 – А.Моцар,
В. Монахов,
Т.Приходько
22 – Ю.Линник
23 – А. Витухновская
24 – Е.Клетников,
П. Слуцкина,
Н. Буторин
25 – И. Кутик,
Л.Газизова

26 – А. Полонская,
Л. Пеня дель Боске
27 – Г.Якубовская
28 – Л. Григорьева
29 – В. Друк,
А.Мармеладов,
С.Гурарий
30 – И.Холин
31 – В.Игнатюк,
Л. Беринский
32 – А. Чернов,
Е. Степанов
33 – О. Ильницкая,
Н.Азарова
34 – А. Кессельман
35 – Б. Колымагин,
В. Мельников,
Ю. Милорава
И. Меликова

36 – Е. Сазина,
М. Бородин
37 – С. Гуданов
38 – А. Бубнов,
П. Овчинников
39 – О. Адрова,
Д.А.Пригов
40 – А. Кудрявицкий
С.Литвак
41-42-43-44 –
Сегодняшние поэты
Великобритании
45 – И. Ганиковский
46-47 – И. Яркевич
48 – А.Моцар

Иллюстрации: М.Аль, В.Ахломов, А.Врядий, И. Ганиковский, М. Герцовская, К.Зейтунян-Белоус, К.Кедров, Б.Лежен, Г.Мальцева, В.Опара, И.Ревякин, Г.Якубовская.

Дизайн номера: Е.Кацюба. Дизайн обложки: ЯKrasnovsky. Знак «Рикошет»: А.Врядий. Эмблема ДООСа: С.Бордачев.

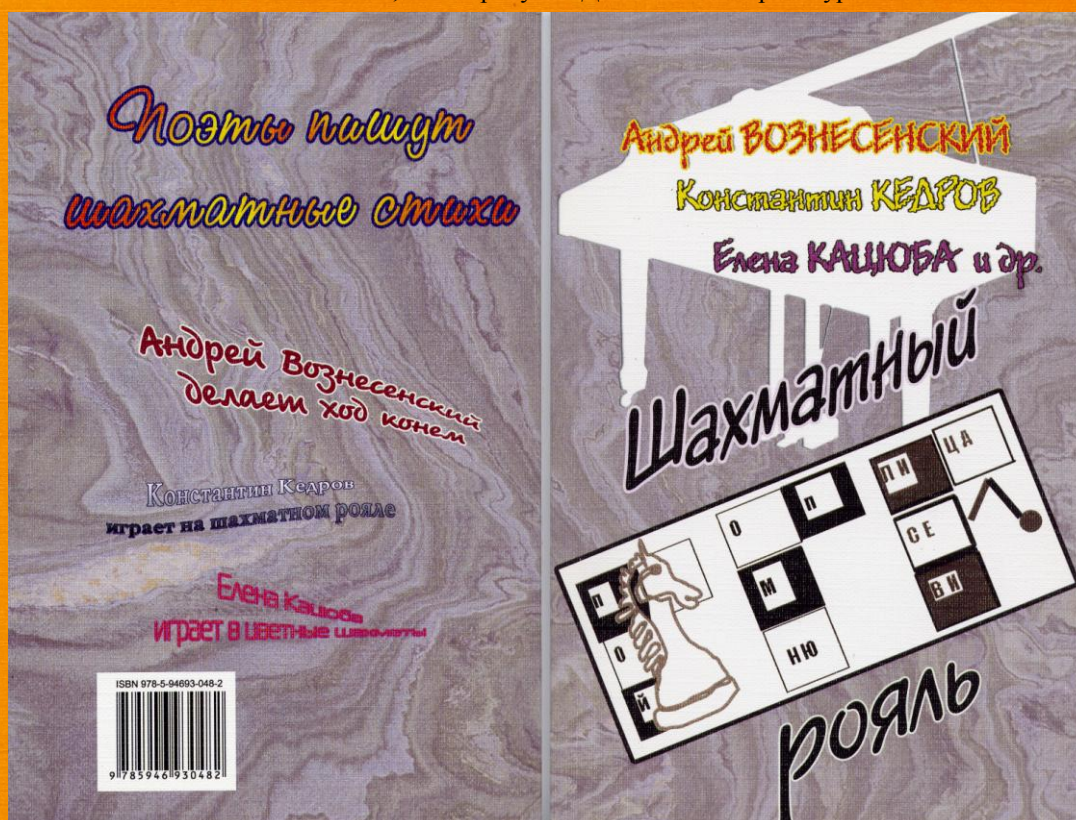
А л ь м а н а х

«Журнал ПОэтов»
№ 8 (20) 2006

Учредитель группа ДООС (Добровольное общество охраны стрекоз) при участии всемирной организации писателей (Русский ПЕН-клуб), ассоциации поэтических обществ FIPA UNESCO, Академии поэтов и философов Университета Натальи Нестеровой. Главный редактор **Константин Кедров**,

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ: Е.Кацюба (ответственный секретарь); С.Бирюков, канд. филол. наук (Германия); В.Вестстейн, профессор (Нидерланды); А.Витухновская; А.Кудрявицкий (Ирландия); .Латауэрс, профессор (Нидерланды); Б.Лежен (Франция); Й.-В.Мисьявичюс (Литва); В.Рабинович (профессор Института культурологи); В.Нарбикова; А.Ткаченко (ген.секретарь Русского ПЕН-клуба).

На основе этого номера Журнала ПОэтов издательством «RUSSIAN CHESS HOUSE»
в 2011 году был выпущен сборник «Шахматный рояль».
В него вошли стихи, эссе и рисунки ДООСов и авторов журнала.

УДК 794
ББК 75.581
В 64

Вознесенский А., Кедров К., Кацуба Е. и др.
В 64 Шахматный рояль. – М.: «RUSSIAN CHESS HOUSE», 2011. – 80 с.
ISBN 978-5-94693-048-2

Это сборник шахматных стихов и поэм известных современных поэтов от живого классика Андрея Вознесенского до номинанта Нобелевской премии по литературе Константина Кедрова. Здесь д'Артаньян соревнуется в шахматы с кардиналом, Леонардо делает неожиданные ходы конем, кавалеры и дамы играют в цветные шахматы. Художники от Сиднея до Парижа активно участвуют в игре своими рисунками.

УДК 794
ББК 75.581

Андрей Вознесенский, Константин Кедров,
Елена Кацуба и др.

Шахматный рояль

Оформление и компьютерная верстка Андрей Ельков
Подписано в печать 25.08.2010. Формат 80х100/32.
Гарнитура «FrizQuadrata». Усл. п. л. 3,70.
Тираж 1000 экз. Заказ 1565.
Издательство «RUSSIAN CHESS HOUSE»
(директор Мурад Аманназаров)
Тел./факс: (495) 963-80-17
e-mail: murad@chess-m.com или andy-el@mail.ru
http://www.chessm.ru – Интернет-магазин

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 20-50-52
www.iprps.ru, e-mail: zakaz@iprps.ru

ISBN 978-5-94693-048-2

© Издательство «RUSSIAN CHESS HOUSE», оформление, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Константин Кедров.....	3
Татьяна Бонч-Осмоловская	25
Елена Кацуба	26
Андрей Вознесенский	32
Кристина Зейтуниан-Белоус	34
Александр Чернов	36
Игорь Ревякин	37
Ольга Адрова	38
Марина Герцовская	39
Андрей Врядий	40
Анжелика Полонская	43
Галина Якубовская	44
Хосе Луис Реина Палазон	45
Сунь Юэ	47
Наталия Азарова	49
Галина Мальцева	50
Сергей Бирюков	51
Владимир Опара	52
Фатима Цаголова	54
Андрей Коровин	55
Алла Кессельман	56
Ольга Ильницкая	58
Кира Салгир	60
Александр В. Бубнов	64
Литература и источники	67

Презентация Журнала Поэтов № 8 (20) «Ладья – Лад Я»
в салоне «Классики XXI века» Чеховского культурного центра. Февраль, 2006 г.

Стихозавр Константин Кедров – главный редактор
Libellula Елена Кацюба – ответ секретарь

Стрекозавр Андрей Вознесенский

Друг ДООСа Валерия Нарбикова

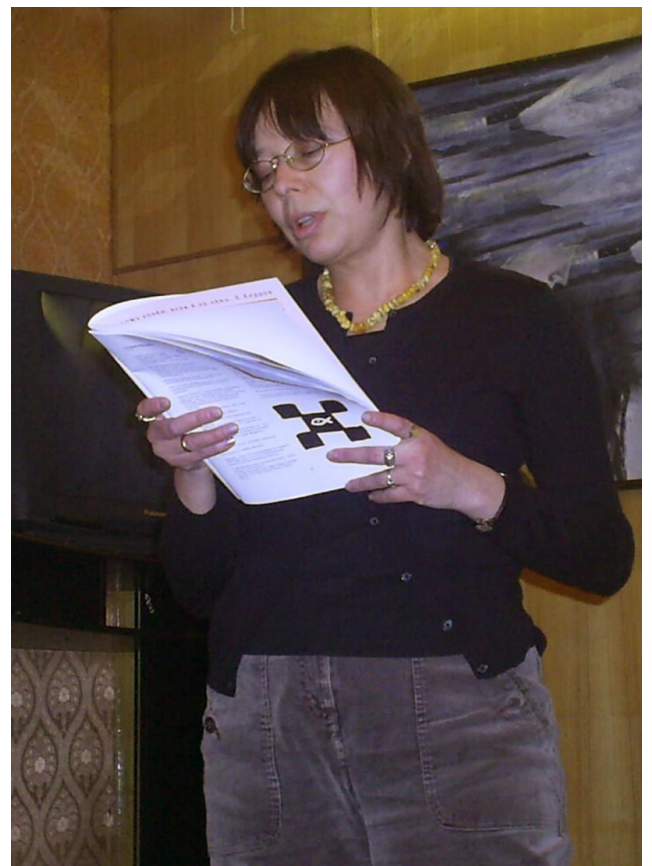
Китайский поэт Сунь Юэ

Куратор салона, друг ДООСа Елена Пахомова и Константин Кедров
посвящают Александра Ткаченко в ДООС в звании – боллозавр.

Глеб Якунин

СтрекИзида Анна Альчук

Лингвострел
Вилли Мельников

Рок-стрел Ольга Адрова

Историк ДООСа Михаил Дзюбенко

Света Литвак

Слонострел Ольга Ильницкая

Анжелина Полонская

Елена Пахомова.

Сегодня у нас в салоне презентация очередного номера «Журнала Поэтов». Журнал выходит уже 10 лет при поддержке Русского Пен-центра, а последние 5 лет издается при Университете Натальи Нестеровой. А сейчас слово Константину Александровичу Кедрову – главному редактору журнала.

Константин Кедров.

Сегодняшний вечер мы начнем с обряда: будем принимать в ДООС нашего давнего друга и соратника, поэта Александра Ткаченко, генерального директора Русского Пен-клуба. Саша, пожалуйста, сюда. Мы посвящаем тебя в ДООС в звании..?

Голоса из зала.

Пентазавра! Боллозавра! Пенболлозавра!

Александр Ткаченко.

Я тут подумал и предложил даже футбольную команду «Крылья советов» переименовать в «Крылья стрекоз», послать им телеграмму.

Елена Кацюба.

Я хочу предложить все-таки «боллозавра», потому что Саша был в молодости футболистом и сейчас, как мяч, то есть болл, пробивает все препятствия, которые перед ним возникают.

Ткаченко.

Боллозавр!

Кедров.

Нарекается боллозавром – ДООС! *(Вместе в Еленой Пахомовой поднимает над головой Ткаченко раскрытый «Журнал ПОэтов». Аплодисменты.)*

Ткаченко.

В этом журнале печатаются самые великие, замечательные «отбросы» общества. Когда-нибудь по этим «отбросам» будут узнавать эпоху. *(Читает стихотворение «Белый ход. Черный ход», стр. 11)*

Кедров.

Среди членов ДООСа Андрей Вознесенский – стрекозавр, Генрих Сапгир – тоже стрекозавр. И вот здесь давний историк ДООСа Михаил Дзюбенко, крупнейший филолог, теоретик. Он присутствовал при рождении ДООСа, он знает изначально, как это все происходило. Вы не смотрите, что у него такая старообрядческая борода. Недавно он шел по улице, и ему крикнули: «Эй ты, Аллах акбар!»

Дзюбенко.

На самом деле странно, что номер, посвященный шахматам, вышел только на десятом году существования журнала. Потому что, наверное, практически с первых лет нашего знакомства речь шла о том, что поэзия – это такая шахматная партия. В этом номере есть хорошая статья «Поэзия и лингвистика начала третьего тысячелетия» *(Наталья Фатеева, стр. 2-3)*, и в ней говорится, что одна из главных проблем – это соотношение между дискретностью, то есть отдельными ходами и континуальностью, то есть непрерывностью смысла. Вот как раз я думаю, что в поэзии на самом деле разыгрывается не одна шахматная партия, а как бы параллельно две. Одна, видимая, осуществляется в буквах, звуках, вообще в видимой материи. А другая шахматная партия – та, которая невидима и которая, собственно, и составляет смысл данного текста. Интереснее всего, что метаметафора, метакод позволяют увидеть эту шахматную партию. То есть на самом деле за каждой шахматной доской стоит еще одна шахматная доска. Поэтому я хочу пожелать всем присутствующим слышать за каждым ходом ладьи, например, ход некой другой фигуры, невидимой, но оттого еще более интересной.

Елена Кацюба.

Я хочу рассказать историю темы этого номера, ей на самом деле 20 лет. Просто в 85-ом году мы были в Ялте, в Доме творчества, и с нами была художница Галя Мальцева. Это был год сухого закона, во всей Ялте не было ни рюмки, ни стопки, ни стакана, ничего, ни даже бокала шампанского, и поэтому мы сидели в баре Дома творчества. Там был кофе, горячий шоколад, там канарейки насвистывали мелодию Пинк-Флойда, потом их съела кошка. Там стояла пишущая машинка, на которой никто не печатал, да и зачем? И была шахматная доска. И мы с Галей решили сыграть в шахматы. Но поскольку и я, и она не по этой части, мы стали играть в свою игру. Мы поставили черные фигуры на черные клетки, а белые – на белые. Это получилась очень странная партия, потому что ходы растягивались на полдоски, и мы ее не доиграли. Потом спустя сколько-то лет у меня возникла новелла «Цветные шахматы», где про эти шахматы, потом еще про другие. Она была напечатана в сборнике «Жужукины дети». А год назад я подвесила ее в Интернет. И вот недавно мне приходит письмо от человека, который работает в патентном бюро, рассматривает заявки на изобретения, касающиеся игр. И его интересует, какими источниками я пользовалась. Я ответила, что дело было так-то, а он опять пишет: «Жаль, что в 85-ом вы не подали заявку на изобретение». Патент, конечно, дело хорошее, но поскольку партию мы не доиграли, то и не знаем, чем она может кончиться. Потом я пишу Толе Кудрявицкому, который издал «Жужукиных детей», он теперь живет в Дублине, и рассказываю всю эту историю. А он отвечает: «Я бы и сам поиграл в такие необычные шахматы. Я вообще играю неплохо. В Ирландии еще ни одной партии не проиграл. Люди как слышат, что я из России, у них сразу руки начинают дрожать. Так боятся русских шахматистов». Вот такое

продолжение шахматной темы. Кроме того, ректор Университета Наталья Нестеровой, сама Наталья Нестерова, в юности была шахматисткой, чемпионкой СССР по шахматам среди девушек в 1968 году. Как-то вот так все совпало. Но стихотворение, которое напечатано в этом номере, возникло совершенно независимо, оно не написано на тему, а сложилось само по себе. Оно называется «Индийская защита» (стр. 7). Что такое индийская защита в шахматах, я толком не знаю, а в поэзии она вот такая.

Кедров.

Журнал открывается «Шахматной симфонией» (стр. 5). Я собрал все, что я писал о шахматах. В 83-ем году я написал «Шахматный рояль», где ноты и одновременно игра. Потом я написал поэму «Шахматный Озирис», или она еще называется «Свадьба», где Озириса воскрешают и расставляют по клеткам. Позднее Нина Искренко разыграла воскресение Озириса на фестивале авангарда. Там они носили нос, голову, как шахматные фигуры, собирали Озириса. А специально для журнала написала «Акварокировка» (стр. 4).

Валерия Нарбикова.

Все это может показаться какой-то удивительной мистификацией. Но вообще все самое хорошее в этом номере и есть мистификация. И почему-то мне вспомнилось, как Гумилев приехал в Париж, и ему дали такую маленькую записочку от Блока к Мережковским. И Мережковские его встретили, а он говорит: «Я вам тут стихи привез», – а они говорят: «Нет-нет-нет, мы тут стихами не интересуемся». У нас так получается – или мы все Мережковские и стихами не интересуемся, или наоборот. Я прочитаю напечатанный тут небольшой кусочек из романа «...и путешествие», который целиком на русском языке не напечатан*, хотя он переведен и напечатан по-немецки в Германии. «Муж Александр Сергеевич» (стр. 12-13).

Кедров.

Здесь у нас замечательная, я считаю, публикация, посвященная «Дыр бул щир» – стихотворению Крученых, в котором, по словам Маяковского, больше звуковой энергии, чем во всей русской поэзии XIX века.

Анна Альчук.

Я прочитаю парафраз, посвященный вечно играющему Крученых. И вот стихотворение на тему шахмат (стр. 16). Я благодарна Константину и Елене за творческий импульс. Начинается с эпиграфа из Федерико Гарсия Лорки «Сквозь меня, сквозь тебя катит волны свои пустота...»

Кедров.

И вот такой у нас есть сюрприз. Дело в том, что ширятся наши связи во всем мире. И вот в Китае уже опубликован «Компьютер любви» в газете «Китайское чтение», а у нас напечатано стихотворение нашего замечательного друга, поэта Сунь Юэ (стр. 8), который перевел «Компьютер любви» на китайский. Он написал стихотворение про китайские шахматы и сам перевел его на русский. Мы вместе будем читать это стихотворение – он по-китайски, а я по-русски.

Затем, по просьбе Андрея Вознесенского, Константин Кедров прочитал его текст «Ход конем», опубликованный в журнале (стр.6).

На этом шахматная тема, казалось бы, и закончилась. Но не тут-то было. Оказалось, что у других авторов тоже есть шахматные стихи, которые по разным причинам не попали в журнал. Ольга Адрова прочитала стихотворение про шахматы Набокова (*опубликовано в № 9 «Палиндронавтика», стр.25*). Анжелика Полонская заметила, что хотя ничего шахматного у нее нет, но зато есть стихотворение «Кони», а конь, как всем известно, фигура шахматная. Кроме того, она прочитала свой перевод мексиканского поэта Леопольдо Пенья дель Боске, который нас сам нашел и сам прислал стихи (стр. 26). Ольга Ильницкая, которая только что вернулась из долгих странствий и потому о теме ничего не знала, обнаружила в своем архиве небольшую шахматную поэму (*опубликовано в № 9 «Палиндронавтика», стр. 10*). Света Литвак посоветовала, что ей ничего не сообщили о теме номера, а потому представила публике только что написанный шахматный текст. А Вилли Мельников рассказал, что недавно вернулся с конференции в Италии, где представил свой вариант расшифровки знаменитого фестского диска. Вечер завершил отец Глеб Якунин, который зачитал приветствие в стихах Константину Кедрову.

* Роман Валерии Нарбиковой «...и путешествие» опубликован в Журнале ПОэтов №№ 11-36.